ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Варнава и другие (Varnava and Others) против Турции»[1]

(Жалобы №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ[2]

г. Страсбург, 18 сентября 2009 г.

По делу «Варнава и другие против Турции» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Жан-Поля Коста, *Председателя Большой Палаты Суда*,
Франсуазы Тюлькенс,
Жозэпа Касадеваля,
Анатолия Ковлера,
Владимиро Загребельского,
Леха Гарлицкого,
Дина Шпильманна,
Сверре Эрика Йебенса,
Инеты Зиемеле,
Марка Виллигера,
Паавиви Хирвеля,
Луиса Лопеса Герра,
Мирьяны Лазаровой Трайковской,
Ноны Цоцория,
Энн Пауэр,
Здравки Калайджиевой, *судей*,
Гёнюль Эрёнен, *судьи ad hoc*,
а также при участии Эрика Фриберга, *Секретаря-Канцлера Европейского Суда*,
рассмотрев дело в закрытых заседаниях 19 ноября 2008 г. и 8 июля 2009 г.,
вынес 8 июля 2009 г. следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано девятью жалобами (№№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90), поданными 25 января 1990 г. против Республики Турция в Европейскую Комиссию по правам человека в соответствии с бывшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) 18 гражданами Кипра: Андреасом и Джоргуллой Варнава (Andreas and Giorghoulla Varnava) (жалоба № 16064/90), Андреасом и Лоизосом Лоизидесами (Andreas and Loizos Loizides)[3] (жалоба № 16065/90), Филиппом Константину (Philippos Constantinou) и Деметрисом К. Пейиотисом (Demetris K. Peyiotis) (жалоба № 16066/90), Деметрисом Теохаридесом и Элли Теохариду (Demetris Theocharides and Elli Theocharidou)[4] (жалоба № 16068/90), Паникосом и Хрисулой Хараламбусами (Panicos and Chrysoula Charalambous) (жалоба № 16069/90), Элефтериосом и Христосом Тома (Eleftherios and Christos Thoma) (жалоба № 16070/90)[5], Саввасом и Андрулой Хаджипантели (Savvas and Androula Hadjipanteli) (жалоба № 16071/90), Саввасом и Георгием Апостолидесами (Savvas and Georghios Apostolides) (жалоба № 16072/90) и Леонтисом Деметриу и Йянуллой Леонти Сарма (Leontis Demetriou and Yianoulla Leonti Sarma) (жалоба № 16073/90). К каждой из девяти жалоб были приложены доверенности, подписанные вторыми заявителями от своего имени и от имени девяти их пропавших без вести родственников, представленных в качестве первых заявителей.

2. В Европейском Суде интересы заявителей представляли адвокаты А. Деметриадес (A. Demetriades) и доктор Кипрос Христомидес (Kypros Chrystomides), практикующие в г. Никосия. Власти Турции были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что первые заявители по вышеуказанным жалобам пропали без вести после того, как турецкие вооруженные силы держали их под стражей с 1974 года, а также что власти Турции с тех пор не упоминали о них. Они сослались на статьи 2–6, 8, 10 и 12–14 Конвенции.

4. 2 июля 1991 г. Европейская Комиссия объединила рассмотрение этих жалоб в одно производство, а 14 апреля 1998 г. объявила их приемлемы-

[1] Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» под редакцией Ю.Ю. Берестнева.

[2] Настоящее Постановление вступило в силу 18 сентября 2009 г. в соответствии с положениями пункта 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

[3] См. пункт 11.

[4] См. пункт 10.

[5] См. пункт 9.

ми для рассмотрения по существу. 1 ноября 1999 г. жалобы были переданы в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со вторым предложением пункта 3 статьи 5 Протокола № 11 к Конвенции, так как Европейская Комиссия не завершила рассмотрение дела к этой дате.

5. Жалобы были переданы на рассмотрение Четвертой Секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). Для рассмотрения дела в рамках этой Секции была создана Палата (пункт 1 статьи 27 Конвенции) в составе, отвечающем требованиям пункта 1 правила 26 Регламента Европейского Суда. Судья, избранный от Турции, Р. Тюрмен взял самоотвод от участия в рассмотрении дела (правило 28 Регламента Европейского Суда). Соответственно, власти Турции назначили на дело Г. Эрёнен в качестве судьи *ad hoc* (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Европейского Суда).

6. Заявители и власти Турции представили свои замечания по делу (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

7. 17 февраля 2000 г. власти Кипра информировали Европейский Суд о своем желании принять участие в деле. Они представили комментарии по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

8. 1 ноября 2003 г. изменился состав Секций Европейского Суда (пункт 1 правила 25 Регламента Европейского Суда). Дело было передано на рассмотрения Третьей Секции в новом составе (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда).

9. 17 февраля 2005 г. представитель заявителей проинформировал Европейский Суд о том, что Христос Тома, второй заявитель и отец первого заявителя по жалобе № 16070/90, скончался 12 апреля 1997 г., и представил доверенности от его жены, Христаллени Тома (Chrystalleni Thoma), и дочери, Марии Христаллени Тома (Maria Chrystalleni Thoma), выразивших намерение продолжить производство по жалобе.

10. 13 ноября 2006 г. представитель заявителей проинформировал Европейский Суд о том, что Элли Теохариду, вторая заявительница и мать первого заявителя по жалобе № 16068/90, скончалась 1 апреля 2005 г., и что ее наследники (Урания Симеу (Ourania Symeou), Каити Константину (Kaiti Constantinou), Йянулла Кари (Yiannoulla Kari), Елени Папайянни (Eleni Papayianni), Андреас Г. Теохаридес (Andreas G. Theocharides), Димитрис Г. Теохаридес (Dimitris G. Theocharides) и Мариос Г. Теохаридес (Marios G. Theocharides)) желали продолжить производство по жалобе. В тот же день было сообщено о том, что Георгий Апостолидес, второй заявитель и отец первого заявителя по жалобе № 16072/90, скончался 14 апреля 1998 г., и что его наследники (Панайота Хрису (Panayiota Chrysou), Христалла Антониаду (Chrystalla Antoniadou), Аггела Георгиу (Aggela Georgiou), Авги Николау (Avgi Nicolaou) и Костас Апостолидес (Kostas Apostolides)) намеревались продолжить производство по жалобе.

11. 11 января 2007 г. представитель заявителей проинформировал Европейский Суд о том, что Лоизос Лоизидес, второй заявитель и отец первого заявителя по жалобе № 16065/90, скончался 14 сентября 2001 г., и что его внучка, Афина Хава (Athina Hava), намеревалась продолжить производство по жалобе от имени всех наследников умершего (Маркос Лоизу (Markos Loizou), Деспо Деметриу (Despo Demetriou), Анна-Мария Лоизу (Anna-Maria Loizou), Елена Лоизиду (Elena Loizidou) и Лоизос Лоизидес (Loizos Loizides)).

12. Выяснив мнения сторон, Палата приняла решение, что не требовалось проводить слушание по существу дела (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда *in fine*). Палата признала, что наследники умерших заявителей обладали требуемыми интересом и правоспособностью для того, чтобы выступать в качестве заявителей по соответствующим жалобам. 10 января 2008 г. Палата приняла Постановление (далее – Постановление Палаты), которым единогласно было признано, что были нарушены статьи 2, 3 и 5 Конвенции и что отдельно не стоял вопрос о нарушении статей 4, 6, 8, 10, 12–14 Конвенции. Палата также постановила, что вывод о нарушении Конвенции сам по себе являлся достаточной справедливой компенсацией морального вреда, причиненного заявителям.

13. 29 марта 2008 г. власти Турции обратились с ходатайством о пересмотре дела в Большой Палате Европейского Суда (статья 43 Конвенции).

14. 7 июля 2008 г. Большая Палата решила удовлетворить прошение о пересмотре дела (правило 73 Регламента Европейского Суда).

15. В соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда был определен состав Большой Палаты.

16. 11 августа 2008 г. власти Кипра уведомили Европейский Суд о своем желании принять участие в рассмотрении дела в Большой Палате. Они подали комментарии по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Европейского Суда).

17. 18 сентября 2008 г. Председатель Большой Палаты разрешил международной неправительственной организации «Возмещение» («Redress») представить письменные комментарии по делу, которые были получены 2 октября 2008 г. (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 2 правила 44 Регламента Европейского Суда).

18. Заявители, власти Турции и власти Кипра представили свои меморандумы по делу.

19. 19 ноября 2008 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялись публичные слушания по настоящему делу (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В Европейский Суд явились:

(a) *от властей Турции*:

З. Неджатыгил (Z. Necatigil), *Уполномоченный Турции при Европейском Суде по правам человека*,

профессор, доктор Й.А. Фровайн (J.A. Frowein),

С. Карабаджак (S. Karabacak),

Т. Билгыч (T. Bilgiç),

Д. Акчай (D. Akçay),

А. Ёздемир (A. Özdemir), *советники*;

(b) *от заявителей*:

А. Деметриадес (A. Demetriades), барристер[1],

Л. Христодулу (L. Christodoulou), адвокат,

Я. Браунли (I. Brownlie), королевский адвокат[2], консультант,

Л. Аракелян (L. Arakelian),

С. Параскева (C. Paraskeva), *советники*;

(c) *от властей Кипра*:

П. Клеридес (P. Clerides), *Генеральный атторней, Уполномоченный Кипра при Европейском Суде по правам человека*,

А.В.Р. Лове (A.V.R. Lowe), барристер, профессор права,

Ф. Хэмпсон (F. Hampson), барристер, профессор права,

С.М. Йоаннидес (S.M. Joannides), барристер, советники.

Европейский Суд заслушал выступления Браунли и Деметриадеса со стороны заявителей, Фровайна со стороны властей Турции и Лове со стороны властей Кипра.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

A. ОБЩИЙ КОНТЕКСТ

20. Жалобы, поданные в настоящем деле, порождены военной операцией, проведенной Турцией в северной части Кипра в июле и августе 1974 года, и последовавшей за ней разделении территории Кипра. Эти события послужили основанием для подачи властями Кипра четырех жалоб против Турции, по результатам рассмотрения которых были установлены различные нарушения Конвенции. Исторические факты были изложены в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey), жалоба № 25781/94, §§ 13–18, *ECHR* 2001-IV, далее – «четвертое межгосударственное дело», и Европейский Суд не усматривает причин для их повторного изложения.

B. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАСТОЯЩИХ ДЕЛ

21. Позиции сторон по фактическим обстоятельствам рассматриваемых дел расходятся. Европейский Суд отметил, что краткое описание событий, содержащееся в Постановлении Палаты, сторонами не оспаривалось. Поэтому оно в большей своей части воспроизводится ниже с добавлением некоторой новой информации, представленной сторонами и идентифицированной в качестве таковой в тексте настоящего Постановления.

1. Комментарии заявителей по обстоятельствам дела

a. Жалоба № 16064/90: Андреас Варнава

22. Первый заявитель, торговец скобяным товаром, 1947 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, вторая заявительница, 1949 года рождения, проживала в деревне Лимбия (Lymbia).

23. В июле 1974 года первый заявитель в связи с объявленной всеобщей мобилизацией был призван на военную службу резервистом 305-го резервного батальона со штабом, расположившемся в деревне Дхали (Dhali). 8–9 августа 1974 г. военнослужащие-резервисты из 305-го резервного батальона, в том числе заявитель, доукомплектовали кипрские аванпосты вдоль линии фронта, отделявшей их от турецких вооруженных сил и растянувшейся от Миа Милии (Mia Milia) до Кутсовендиса (Koutsovendis).

24. Утром 14 августа 1974 г. турецкие вооруженные силы при поддержке танков и авиации начали наступление на позиции батальона заявителя. Линия обороны киприотов была прорвана, и турецкие войска начали продвижение по направлению к Миа Милие, кипрские вооруженные силы начали отступление и рассеялись. Спустя некоторое время район был захвачен турецкими войсками, и заявитель оказался в ловушке. Следы заявителя были потеряны.

25. Христакис Иоанну (Christakis Ioannou) из Пано Дхикомо (Pano Dhikomo)[3], а сейчас из Ставросского лагеря беженцев в г. Строволос (Stavros Refugee Camp Strovolos), который был в плену у турецких вооруженных сил и/или турецких властей, сообщил, что в тюрьме г. Адана

[1] Адвокат, имеющий право выступать в высших судах (отличается от обычного адвоката тем, что не ведет дело с самого начала, а получает все материалы незадолго до суда) (примеч. переводчика).

[2] QC – Queen's Counsel, или королевский адвокат. Данного звания удостаиваются наиболее опытные адвокаты, проработавшие по специальности не менее 15 лет. Назначение происходит путем присвоения патентной грамоты (*примеч. переводчика*).

[3] Населенный пункт на северном побережье острова Кипр (*примеч. переводчика*).

(Adana)[1] в Турции, куда его поместили 31 августа 1974 г., в одной камере с ним в течение 3–4 дней содержались под стражей еще 40 человек, в том числе заявитель. Затем их разделили, и больше он заявителя не видел.

b. Жалоба № 16065/90: Андреас Лоизидес

26. Первый заявитель, студент, 1954 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, 1907 года рождения, проживал в г. Никосия.

27. В июле 1974 года первый заявитель служил в звании второго лейтенанта в 1-й роте 256-го пехотного батальона, дислоцировавшегося в Ксеросе (Xeros)[2]. Примерно 30 июля 1974 г. его батальон выдвинулся в район Лапитоса (Lapithos)[3]. Военнослужащих разбили на несколько групп. Группа заявителя, состоявшая из десяти человек, получила приказ занять позиции на высотах Лапитоса.

28. 5 августа 1974 г. турецкие войска начали массированное наступление со всех направлений на позиции киприотов, и в это время другие турецкие подразделения смогли взять Лапитос в кольцо. Вследствие превосходства турок в живой силе и технике кипрские войска получили приказ отступить к центру деревни, в которой дислоцировалась рота. Заявитель прибыл туда со своими людьми и узнал от местных жителей, что Лапитос был окружен турецкими войсками. Они спрятали свое оружие в саду и надели гражданскую одежду. В то же утро заявитель и другие военнослужащие, бывшие с ним, безуспешно попытались вырваться из турецкого окружения. Они снова вернулись в Лапитос, где и провели ночь. Примерно в 9.00 6 августа 1974 г. турецкие войска вошли в Лапитос и начали обыскивать каждый дом. Заявитель и его товарищи получили предупреждение от жителей деревни и рассеялись, чтобы избежать плена. С тех пор никто из членов группы больше не видел заявителя.

29. Никос Ф. Тампас (Nicos Th. Tampas) из 256-го пехотного батальона, также находившийся на высотах Лапитоса 5 августа 1974 г., рассказывал, что примерно в 21.00 6 августа 1974 г. он зашел в сельский магазин и увидел там заявителя, который ухаживал за раненым мужчиной. Поговорив с заявителем, он ушел. Это был последний раз, когда он видел заявителя. Его самого турки взяли в плен 9 августа 1974 г. в Лапитосе, содержали под стражей в различных тюрьмах на Кипре и в Турции и освободили 22 октября 1974 г.

30. Христодулос Панайи (Christodoulos Panayi) из Ватили (Vatyli)[4], в настоящее время из г. Строволоса, рассказывал, что, когда его содержали в тюрьме г. Адана, он увидел и узнал заявителя, которого он знал раньше.

c. Жалоба № 16066/90: Филипп Константину

31. Первый заявитель, студент, 1954 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, 1929 года рождения, проживал в г. Никосия.

32. В июле 1973 года первый заявитель поступил на военную службу. Он был направлен в 70-й инженерно-саперный батальон. 5 августа 1974 г. отделение батальона, в том числе заявитель, было направлено на задание в район Лапитоса и Караваса (Karavas) (район Кирения (Kyrenia)). Они провели ночь в Лапитосе и собирались выполнить задание на следующее утро.

33. Примерно в 4.30 6 августа 1974 г. вооруженные силы Турции начали массированное наступление по всем направлениям на район Караваса и Лапитоса. Командир отделения заявителя разделил отделение на три группы и приказал отступить в сторону деревни Василиа (Vasilia) (также в районе Кирения). Заявитель находился в одной из групп, которая должна была отступать по дороге вдоль побережья.

34. Солдаты достигли главной дороги между городами Никосия и Кирения, в пункте возле ресторана «Аиркотисса» (Airkotissa). Пока они отдыхали, они услышали крики, и командир отделения направил заявителя и еще одного солдата на разведку. В связи с тем, что эти двое не вернулись спустя 15 минут, остальные члены группы ушли в сторону населенного пункта Панагра (Panagra) (также в районе Кирения). По дороге они попали в засаду турок, и оставшаяся часть группы рассеялась.

35. Костас А. Софоклеус (Costas A. Sophocleous) из г. Никосия рассказал, что, когда он был в плену в Турции в период с 30 июля по 28 октября 1974 г., он встретил заявителя. Они содержались вместе под стражей в одной тюрьме в Турции, а затем были переведены на Кипр, после чего он был освобожден, а заявитель – нет.

36. Александрос Папамихаэль (Alexandros Papamichael) из г. Лимассола (Limassol) сообщил, что он узнал первого заявителя по фотографии, которая была показана ему вторым заявителем, так как они вместе содержались под стражей в тюрьме г. Адана.

---

[1] Адана или Адана́ – административный центр области Адана в Турции (*примеч. переводчика*).

[2] Населенный пункт на северном побережье острова Кипр (*примеч. переводчика*).

[3] Лапитос или Лапетос (греч. Λάπηθος, тур. Lapta) – муниципалитет на севере острова Кипр, на территории района Кирения в 14 километрах к западу от города Кирения (*примеч. переводчика*).

[4] Ватили (греч. Βατυλή) / Вадили (тур. Vadili) – деревня на острове Кипр, на территории частично признанного государства Турецкая Республика Северного Кипра (согласно мнению международного сообщества – в Республике Кипр) (*примеч. переводчика*).

37. Наконец, второй заявитель упомянул в своих письменных показаниях, что он узнал своего пропавшего без вести сына на фотографии, опубликованной в греческой газете «Афинаики» (Athinaiki) 28 сентября 1974 г. На этой фотографии были изображены заключенные греки-киприоты на судне, плывшем в Турцию.

d. Жалоба № 16068/90: Деметрис Теохаридес

38. Первый заявитель, фотограф, 1953 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его мать, вторая заявительница, 1914 года рождения, проживала в г. Никосия.

39. 20 июля 1974 г. первый заявитель записался добровольцем и был принят на военную службу в качестве резервиста. Он был распределен в 1-ю роту 301-го пехотного батальона. 22 июля всему батальону был отдан приказ выдвинуться на следующий день в район деревни Агиос Ермолаос (Ayios Ermolaos). 1-я рота заняла оборону на высоте «Каламбаки» (Kalambaki) возле турецко-киприотской деревни Пилери (Pileri).

40. Примерно в 4.30 26 июля 1974 г. 1-я рота была атакована из турецко-киприотских деревень Крини и Пилери (Krini-Pileri). Турецкие войска состояли из батальона парашютистов, 20 танков и минометов. Им удалось прорвать линию обороны киприотов и зайти с правового фланга 1-й роты с целью ее окружения. Командир приказал роте перегруппироваться в деревне Сисклепос (Sysklepos), там рота получила приказ перегруппироваться в Контеменосе (Kontemenos), куда она прибыла примерно в 15.00. На перекличке выяснилось, что шестеро солдат 1-й роты и, в том числе, заявитель отсутствовали. Территория, на которой изначально располагалась 1-я рота, была захвачена турецкими войсками.

41. Никос Николау (Nicos Nicolaou) из г. Строволоса, который был заключенным в тюрьме г. Адана (Турция) в сентябре 1974 года, рассказал, что однажды он слышал, как один турок выкрикнул имя заявителя. Он также видел заявителя, с которым он был знаком ранее, и заметил, что тот хромал на одну ногу. 11 сентября 1974 г. Николау был переведен в тюрьму Антияма (Antiyiama) в Турции и больше не видел заявителя.

e. Жалоба № 16069/90: Паникос Хараламбус

42. Первый заявитель, студент, 1955 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его мать, вторая заявительница, 1935 года рождения, проживала в г. Лимассоле.

43. В 1972 году первый заявитель был призван на военную службу в национальную гвардию.

44. 23 июля 1974 г. Андреас Комодромос (Andreas Komodromos) сообщил отцу заявителя, что заявитель покинул Синхари (Synchari)[1] с военнослужащими из штабной роты и отправился в Агландзию (Aglandjia)[2].

45. 24 июля 1974 г. Никифор Коминис (Nikiforos Kominis) вместе с 17 солдатами, включая заявителя, покинули Агландзию на двух машинах, чтобы произвести рекогносцировку местности в районе Кутсовентиса-Вуноса (Koutsoventis-Vounos). Три автобуса видели ехавшими по улице со стороны деревни Вунос. Офицер по фамилии Вотас (Votas) приказал троим или четверым солдатам обыскать автобусы. Автобусы были полны турецких солдат, которые начали стрельбу по грекам-киприотам. Заявитель был ранен в правую руку и левую часть грудной клетки. Андреас Комодромос промыл его раны водой, зарядил его пистолет и приказал ему возвращаться. После этого заявителя больше не видели в его части.

46. По словам Янниса Мелиссиса (Yiannis Melissis), которого турки содержали под стражей в городах Адана и Амасья (Amasia)[3] в сентябре 1974 года, он встретил заявителя во время нахождения в плену. Они оба вместе с другими военнопленными сидели в камере № 9 вплоть до 18 сентября. Они общались друг с другом каждый день и подружились. 18 сентября Яниса Мелиссиса вернули на Кипр, где он был освобожден 21 сентября 1974 г. Заявитель передал ему письмо для отца, но он оставил его в кармане, когда переодевался. Вся одежда, принадлежавшая военнопленным, сжигалась.

47. Вторая заявительница в своих показаниях упомянула, что она узнала своего сына на фотографии, опубликованной в греческой газете «Афинаики» 28 сентября 1974 г. На этой фотографии были изображены военнопленные киприоты, которых в июле 1974 году перевозили в Турцию на турецком эсминце.

f. Жалоба № 16070/90: Элефтериос Тома

48. Первый заявитель, автомеханик, 1951 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, 1921 года рождения, проживал в г. Строволос.

49. В июле 1974 года первый заявитель, будучи сержантом запаса, в связи с объявленной всеобщей мобилизацией был призван на военную службу в штабную роту 251-го пехотного батальона.

50. 20 июля 1974 г. весь личный состав штабной роты, включая заявителя, пытался предотвратить высадку турок в районе Пикро Неро в Кирении (Pikro Nero, Kyrenia). Примерно в 12.00 21 июля высадившиеся турецкие войска при поддержке

[1] Населенный пункт на северном побережье острова Кипр в районе Кирения (*примеч. переводчика*).

[2] Муниципалитет и пригород г. Никосия (*примеч. переводчика*).

[3] Город и район в Северной Турции, центр провинции Амасья (*примеч. переводчика*).

танков и авиации атаковали киприотов, оборонявших район. Ввиду превосходства турецких войск в живой силе и технике 251-й пехотный батальон получил приказ отступать к деревне Тримити (Trimithi). Заявитель участвовал в перегруппировке батальона. Спустя два часа после перегруппировки командир батальона увел своих людей из деревни Тримити, выведя их к оврагу между деревнями Агиос Георгиос (Ayios Georghios) и Темплос (Templos), где они заняли позиции для боя. Ряд бойцов спецназа из 33-го батальона вышли к тому же оврагу. Примерно в 15.00 22 июля 1974 г. турецкие войска окружили киприотов в овраге и открыли огонь. Командир отдал приказ контратаковать, намереваясь прорваться через линии турок к г. Кирения. Во время контратаки и отступления следы заявителя были потеряны.

51. 4 сентября 1974 г. «Специальный новостной бюллетень» (Special News Bulletin), ежедневное издание турецко-киприотской администрации, опубликовал фотографию военнопленных киприотов-греков под заголовком «Военнопленные греки-киприоты полдничают. Вчера их посетил представитель Турецкого Красного Полумесяца». На этой фотографии первый заявитель узнал второго заявителя.

52. Бывший военнопленный Эфстафиос Селефку (Efstathios Selefcou) из Элио (Elio), в настоящее время проживающий в г. Эйления (Eylenja), давая показания полиции Кипра, сообщил, что во время транспортировки его из Кипра в Турцию он видел и общался с первым заявителем, которого он хорошо знал, так как они вместе ходили в среднюю школу.

g. Жалоба № 16071/90: Саввас Хаджипантели

53. Первый заявитель, банковский служащий, 1938 года рождения, проживал в г. Ялоуса (Yialousa) и считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, вторая заявительница, 1938 года рождения, проживала в г. Никосия.

54. 18 августа 1974 г. три-четыре автомобиля, автобус и два танка, все полные турецких и турецко-киприотских солдат, въехали в г. Ялоуса и остановились возле полицейского участка. Солдаты вышли и приказали всем собраться возле ближайшей кофейни. Там собралось около 35 человек. Турецкий офицер сказал им, что с этого момента они будут подчиняться турецкой администрации, и приказал им переписать греко-киприотское население деревни в возрасте от 7 до 70 лет, сообщив, что приедет за списками на следующий день. На следующий день вернулись те же самые гражданские и военные транспортные средства (танки). Несколько турок вышли и прошествовали в кофейню, попросив списки. Другая группа турецких солдат обыскала каждый дом. Они ввели комендантский час и, забрав списки, увели на допрос девять человек, в том числе первого заявителя. Они посадили их в автобус и увезли из деревни в направлении г. Фамагуста (Famagusta).

55. В тот же день г. Ялоуса посетили представители ООН, которым было рассказано об аресте девяти греков-киприотов.

56. По словам заявителей, представителиМеждународного Комитета Красного Креста (далее – МККК) на Кипре посетили гараж Павлидеса (Pavlides Garage) в оккупированном турками районе г. Никосия и 28 августа 1974 г. записали имена 20 греков-киприотов, которых содержали там, в том числе девяти человек из г. Ялоуса (они процитировали документ EZY284D)[1]. Костас М. Каниу (Costas M. Kaniou), Софрониос Мантис (Sofronios Mantis) и Иоанн Д. Константис (Ioannis D. Constantis) также видели указанных заключенных в гараже Павлидеса, когда их содержали под стражей там, они были освобождены позднее.

57. 27 августа 1974 г. группа турок-киприотов в гражданском прибыла в г. Ялоуса, разыскивая Пентелиса Пантелидеса (Pentelis Pantelides), Лоизоса Палларис (Loizos Pallaris), Михаэля Сергидеса (Michael Sergides) и Христакиса Панайидеса (Christakis Panayides). Найдя их, они отвезли их в Сберегательный банк (*Savings Bank*). Опустошив два сейфа, они приказали открыть третий, но им сказали, что ключи были у заявителя. Затем они ушли, закрыв и заблокировав дверь снаружи. Спустя 10–12 дней та же группа пришла за теми же людьми и вернулась в здание банка. У них были два ключа от сейфа, которые заявитель всегда носил при себе. Лоизос Палларис открыл сейф. Ключи были в кожаном мешочке, в котором их всегда носил заявитель, но его личных ключей не было. Турки-киприоты забрали содержимое сейфов, запечатали ворота и ушли.

h. Жалоба № 16072/90: Саввас Апостолидес

58. Первый заявитель, литейщик, 1955 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его отец, второй заявитель, 1928 года рождения, проживал в г. Строволос.

59. В 1974 году первый заявитель служил в 70-м инженерно-саперном батальоне, дислоцировавшемся в г. Никосия. 5 августа 1974 г. отделение батальона, включавшее в свой состав заявителя, было направлено на задание в район Караваса и Лапитоса. Солдаты провели ночь в Лапитосе и намеревались завершить свое задание на следующее утро. Примерно в 4.30 6 августа 1974 г. турецкие войска начали массированное наступление по всем направлениям в районе Караваса и Лапитоса. Командир приказал своим людям разбиться на три группы и уходить к деревне Василиа, где был назна-

[1] Предоставленный заявителями документ содержал 20 имен, в том числе имя Савваса Калли, под которым был записан данный заявитель (см. § 80).

чен пункт сбора. По пути туда они угодили в засаду турок и в смятении рассеялись.

60. Позднее Костас Темистоклеус (Costas Themistocleous) из Оморфиты (Omorphita)[1], а в настоящее время из г. Никосия, которого в качестве пленного доставили в тюрьму г. Адана, видел там заявителя, которого он знал с детства, это было примерно 17 октября 1974 г., когда он готовился вернуться на Кипр. Они не разговаривали друг с другом, но помахали друг другу рукой.

i. Жалоба № 16073/90: Леонтис Деметриу Сарма

61. Первый заявитель, 1947 года рождения, считается пропавшим без вести с 1974 года. Его жена, вторая заявительница, 1949 года рождения, проживала в г. Лимассол.

62. 20 июля 1974 г. первый заявитель, будучи резервистом, в связи с объявленной всеобщей мобилизацией был призван на военную службу в роту технической поддержки 399-го пехотного батальона. 22 июля батальон выдвинулся в район Миа Милии для подкрепления греко-киприотских сил и доукомплектования аванпостов на линии фронта.

63. Утром 14 августа 1974 г. турецкие войска при поддержке танков и авиации начали массированное наступление против греко-киприотских сил в том районе, где находился заявитель со своим батальоном. Ввиду своего превосходства турецкие войска прорвали линию обороны киприотов и развернули наступление в направлении района Миа Милии. Силы греков-киприотов начали отступление, и вскоре район перешел под контроль турок, вследствие чего заявитель оказался в окружении. Следы заявителя были потеряны.

64. Бывший военнопленный Костас Мена (Costas Mena) из г. Палаекитро (Palaekythro), в настоящее время проживающий в Кораку (Koracou), рассказал, что во время пребывания его в заключении в тюрьме Антияма в Турции он видел заявителя, который содержался в камере № 9. 18 октября 1974 г. все военнопленные из тюрьмы Антияма были переведены в тюрьму г. Адана. Там их построили в четыре шеренги. Турецкий офицер выбрал нескольких заключенных, включая заявителя, и их куда-то увели. Больше Мена заявителя не видел.

2. Комментарии властей Турции по обстоятельствам дела

65. Власти Турции оспорили тот факт, что заявители были взяты в плен турецкой армией в ходе военной операции на Кипре в 1974 году. Они считали, что из информации, представленной в жалобах, неизбежно следовал вывод о том, что все якобы «пропавшие без вести лица», за исключением Савваса Хаджипантели, были военнослужащими, которые погибли в ходе боевых действий в июле-августе 1974 года.

66. Власти Турции отметили, что после подачи этих жалоб материалы, относившиеся к тем же самым «пропавшим без вести лицам», были переданы властями Кипра в Комитет ООН по розыску лиц, пропавших без вести (United Nations Committee on Missing Persons, далее – CMP) на Кипре в период с 1994 по 1995 год. В переданных материалах не содержалось заявлений о том, что этих людей видели в каких-либо турецких тюрьмах. Имена предполагаемых свидетелей, указанные в жалобах №№ 16064/90 (Христакис Иоанну), 16065/90 (Христодулос Панайи), 16066/90 (Костас А. Софоклеус), 16068/90 (Никос Николау), 16069/90 (Яннис Мелиссис), 16070/90 (Эфстафиос Селефку), 16072/90 (Костас Темистоклеус) и 16073/90 (Костас Мена), не были процитированы в качестве подтверждения. Поэтому предполагаемое опознание не было подтверждено доказательствами.

67. Что касается Савваса Хаджипантели (жалоба № 16071/90), который являлся гражданским лицом, власти Турции отметили, что представители МККК посещали гараж Павлидеса, где Хаджипантели якобы содержали под стражей, но его фамилия, вопреки утверждениям заявителей, не была включена в список заключенных греков-киприотов. В любом случае гараж Павлидеса был перевалочным центром, где людей содержали под стражей не более нескольких дней, прежде чем освободить или перевести в другое место. В материалах, представленных в CMP, содержалась лишь ссылка на то, что свидетели видели ключницу, которую он якобы всегда носил при себе. В материалах МККК, представители которого регулярно посещали заключенных и задержанных в Турции, также не было упоминаний о том, что кто-либо из якобы пропавших без вести лиц был перевезен в Турцию или содержался в заключении. Все военнопленные, перевезенные в Турцию, были репатриированы в период с 16 сентября по 28 октября 1974 г., и списки таких лиц были переданы властям греческой части Кипра.

68. Что касается предполагаемого опознания пропавших без вести лиц по фотографиям, то власти Турции подчеркнули, что профессор Пьер А. Марго из Института судебной медицины и криминологии юридического факультета Университета Лозанны (Pierre A. Margot) по просьбе третьего члена CMP провел научную экспертизу некоторых опубликованных фотографий и документального фильма, результаты которой свидетельствуют о том, что крайне сомнительно, что кто-либо мог быть опознан на этих материалах, и что любое предполагаемое опознание своих родственников было нена-

[1] *Оморфита* – северо-восточный квартал г. Никосия (*примеч. переводчика*).

дежным, учитывая количество имевшихся материалов и эмоциональное состояние опознающих.

3. Комментарии властей Кипра

69. Власти Кипра утверждали, что первые заявители пропали без вести на территориях, подконтрольных турецким силам.

a. Варнава, жалоба № 16064/90, и Сарма, жалоба № 16073/90

70. Эти двое заявителей вместе со своими воинскими подразделениями прибыли к Миа Милии, чтобы доукомплектовать киприотские аванпосты вдоль линии фронта. 14 августа турецкие вооруженные силы начали наступление, в ходе которого к 16 августа к ним перешел контроль над всеми северной и восточной частями Кипра. Когда турецкие войска прорвали киприотскую линию обороны и начали наступление на Миа Милию, войска киприотов отступили и рассеялись в различных направлениях. Турецкие войска быстро захватили контроль над всеми окрестностями. Многие греки-киприоты, в том числе оба заявителя, были отрезаны от своих и полностью окружены. Они не могли вырваться из окружения, так как в этом случае властям Кипра было бы известно об их судьбе.

b. Лоизидес, жалоба № 16065/90

71. Этот заявитель был ответственным за солдат, оборонявших, среди прочих, Лапитос. После того, как турецкие войска окружили Лапитос, силы киприотов получили приказ на отступление. Группа заявителя надела гражданскую одежду и безуспешно попыталась вырваться из деревни. Когда турецкие войска на следующее утро вошли в деревню, группа заявителя рассеялась, чтобы избежать пленения. Примерно в 21.00 6 августа Никос Ф. Тампас видел заявителя в магазине, ухаживавшим за солдатом, раненым в голову. Позднее Тампас был взят в плен и заключен под стражу. По имеющейся информации, он последним видел первого заявителя. Наиболее вероятно, что первый заявитель остался с раненым и был взят в плен турками, которые контролировали всю территорию. Известен лишь один человек, которому удалось покинуть деревню, и он, в отличие от первого заявителя, досконально знал местность.

c. Константину, жалоба № 16066/90

72. Будучи атакованным турецкой армией, подразделение первого заявителя получило приказ разделиться на три группы и выдвинуться на запад. Группа заявителя достигла дороги Никосия–Кирения в 200 м от ресторана «Аиркотисса». Заявителя и еще одного солдата послали выяснить, что за крики раздавались из ресторана. Спустя 15 минут они не вернулись, и группа ушла к населенному пункту Панагра. В то время, когда заявителя и другого солдата отправили в ресторан, в том районе были турецкие войска. Самым правдоподобным объяснением того, что двое мужчин не вернулись без звуков борьбы и стрельбы, было взятие их в плен с целью предотвратить раскрытие ими турецких позиций, получить от них информацию или в качестве военнопленных.

d. Теохаридес, жалоба № 16068/90

73. 26 июля 1974 г. в ходе переклички, проведенной после прорыва через кольцо турецких сил, было обнаружено, что первый заявитель исчез из своего подразделения. Район, в котором находилось подразделение заявителя, был захвачен турецкими войсками. Что бы не случилось с заявителем после этого, это случилось на территории, контролируемой турецкими силами.

e. Хараламбус, жалоба № 16069/90

74. Этого заявителя видели раненым в правую руку и левую часть грудной клетки после столкновения между силами греков-киприотов и тремя автобусами турецких солдат, приехавшими из деревни Вунос. Его раны были промыты свидетелем по имени Комодромос, и ему сказали вместе с двумя другими мужчинами, один из которых также был ранен, идти к монастырю, в котором были греческо-киприотские силы. Остальных двоих обнаружили мертвыми спустя два дня, когда турецкие войска покинули район. Ясно было, что заявитель был либо обнаружен мертвым турецкими войсками, либо, что более вероятно, обнаружен раненым и взят в плен.

f. Тома, жалоба № 16070/90

75. Этот заявитель был среди солдат, пытавшихся предотвратить захват Кирении. Некоторые были признаны убитыми в ходе операции, заявителя среди них не было. Власти Кипра не имели доказательств, что заявитель был мертв. Следует предположить, что заявитель был взят в плен живым.

76. Это подтверждала также и фотография, опубликованная в «Специальном новостном бюллетене», ежедневно издаваемом турецко-киприотской администрацией, за 4 сентября, на которой были изображены обедающие военнопленные греки-киприоты. В тот момент первый заявитель и был опознан своим отцом, вторым заявителем.

77. В своих комментариях, представленных в Большую Палату, власти Кипра предоставили копию показаний, взятых 31 июля 1976 г. у Эфстафиоса Селефку сотрудником полиции,

в которых он сообщил, что, когда его везли в качестве военнопленного на корабле из Кипра в Турцию, он виделся и немного поговорил с Элефториосом Тома, с которым он был знаком со школы. Они также предоставили копию ведомости розыскного агентства МККК (ICRC Tracing Agency sheet) (Ref. № EZG 14023/2), в соответствии с которой Тома видели в турецком военном госпитале в Минтзели (Mintzeli) в середине октября 1974 года. Власти Кипра объяснили, что они не предоставляли данную информацию в СМР, так как у этого комитета не было мандата на проведение розыскных мероприятий за пределами Кипра, и при предоставлении в СМР документов 7 июня 1994 г. было принято политическое решение не порождать антагонизм по отношению к Турции, сотрудничество с которой было необходимым, если СМР хотел стать эффективным органом.

g. Хаджипантели, жалоба № 16071/90

78. 16 августа 1974 г. турецкие войска контролировали северную и восточную части Кипра, в том числе полуостров Карпас (Karpas), где первый заявитель работал главным кассиром в Сберегательном банке в г. Ялоуса. 18 августа турецкие и турецко-киприотские солдаты пришли в деревню, и турецкий офицер приказал переписать всех греков-киприотов в возрасте от 7 до 70 лет. На следующий день списки забрали, и турецкие солдаты провели обыски. Они уехали, забрав с собой на автобусе девять человек, в том числе первого заявителя. Об этом рассказали его односельчане.

79. Турки-киприоты приходили в деревню при обстоятельствах, о которых рассказали заявители (см. выше §§ 54–57). У них были с собой два ключа от сейфа, которые первый заявитель всегда носил с собой. Крайне высока вероятность того, что турки-киприоты раздобыли ключи, информировав об этом тех, кто держал первого заявителя под стражей, и это доказывало, что он был жив и находился под стражей, по крайней мере, девять дней. Имелся ряд доказательств, что первого заявителя содержали под стражей и после этих девяти дней, по крайней мере, до 28 августа в гараже Павлидеса.

80. Список заключенных, содержавшихся в гараже Павлидеса, которых видели представители МККК 28 августа 1974 г., включал фамилию Саввис Калли, под которым был записан этот первый заявитель (имя было написано с ошибками, как и отчество (Каллис), также указанное на удостоверении личности первого заявителя.).

81. Письменные показания Лакиса Н. Христолу (Lakis N. Christolou), адвоката из компании, представляющей интересы заявителей по настоящей жалобе, данные под присягой и датированные 6 ноября 2007 г., были представлены в Большую Палату. В этих показаниях говорилось, что сын пропавшего без вести мужчины, Георгий Хаджипантели, рассказывал, что в конце 2005 года он встретил писательницу турецко-киприотского происхождения, которая сообщила ему, что при расследовании случаев исчезновения она обнаружила доказательства, указывающие на то, что девять пропавших без вести человек из г. Ялоуса были похоронены возле турецко-киприотской деревни Галатия (Galatia). Когда сын передал эту информацию СМР, ему сообщили, что жители Галатии уже предоставили СМР информацию о казни и захоронении заключенных греков-киприотов в районе их деревни.

h. Апостолидес, жалоба № 16072/90

82. Этот первый заявитель вместе со своим отделением отступал от Лапитоса к Василиа. Они попали в организованную турками засаду и рассеялись. С тех пор о заявителе не было каких-либо сведений. Власти Кипра ничего не знали о первом заявителе, что означало, что ему не удалось скрыться. Также отсутствовала какая-либо информация о том, что он был убит в результате засады. Более, чем просто вероятно, что турки взяли его в плен.

4. Последующее развитие событий

83. В 2007 году в рамках деятельности СМР (см. ниже §§ 86–88) из братской могилы возле турецко-киприотской деревни Галатия в районе Карпас (Karpas area) были эксгумированы человеческие останки. По результатам антропологической и генетической экспертиз были опознаны останки Савваса Хаджипантели (первого заявителя по жалобе № 16071/90), а также останки остальных восьми пропавших без вести человек из г. Ялоуса и еще двоих пропавших без вести греков-киприотов. Тела девяти жителей г. Ялоуса лежали в могиле в один ряд, а еще два тела лежали сверху на меньшей глубине. В заключении судебной экспертизы, датированном 13 ноября 2007 г., подробно описывался процесс эксгумации и отмечалось, что тела были захоронены в данном месте впервые и одновременно, так как состояние тел указывало на то, что они были захоронены, когда мягкие ткани еще имелись на телах, непосредственно соприкасаясь друг с другом. В качестве основной цели экспертизы человеческих останков в заключении указывалось опознание погибших.

84. В могиле было найдено несколько пуль от огнестрельного оружия. В медицинском заключении о причине смерти Савваса Хаджипантели, подписанном врачом 12 июля 2007 г., указывалось, что были обнаружены одно пулевое ранение в области черепа, одно пулевое ранение в области правой руки и ранение в области правого бедра. Его семья была извещена, и религиозный обряд погребения был проведен 14 июля 2007 г.

II. ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

A. КОМИТЕТ ООН ПО РОЗЫСКУ ЛИЦ, ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ (CMP)

1. Предыстория

85. CMP был официально учрежден в 1981 году. Следующие параграфы были взяты из доклада Европейской Комиссии по правам человека по четвертому межгосударственному делу (§§ 181–191):

«181. …В соответствии с пределами его компетенции он "рассматривает только случаи лиц, в отношении которых поступила информация об исчезновении в ходе борьбы между общинами, а также при событиях июля 1974 года и последующих событиях". Его задачи описываются следующим образом: "составить полный список пропавших без вести лиц из обеих общин с уточнением по возможности того, живы они или мертвы, и, в последнем случае – примерного времени смерти". Далее уточнялось, что "комитет не должен пытаться привлечь к ответственности виновных в смерти лиц, пропавших без вести, или делать выводы о причинах смерти", а также что "под эгидой комитета не должны проводиться эксгумации. Комитет может направлять запросы на эксгумацию в МККК, обрабатываемые в соответствии с его обычными процедурами". "Все соответствующие стороны" должны сотрудничать с комитетом, чтобы обеспечить на территории всего острова возможности для проведения следственных мероприятий. Ничего не говорится о расследованиях на основной территории Турции или в отношении турецких вооруженных сил на Кипре.

182. В состав CMP входят три человека: "гуманитарное лицо", назначенное греко-киприотской стороной, "гуманитарное лицо", назначенное турецко-киприотской стороной, и "официальный представитель МККК… назначенный с согласия обеих сторон Генеральным секретарем ООН".

183. CMP не имеет постоянного председателя, председательство переходит раз в три месяца к каждому из трех членов. Решения принимаются максимально возможным консенсусом. Согласно процедурным правилам, согласованным в 1984 году, порядок деятельности CMP определен следующим образом:

"1. В CMP представляются индивидуальные или коллективные дела с приложением всей возможной информации. CMP направляет каждое дело стороне, на территории которой исчезло пропавшее без вести лицо, эта сторона проводит полный комплекс розыскных мероприятий и представляет CMP письменное заключение. Обязанностью членов CMP, назначенных каждой стороной, или их помощников является следить за расследованием на территории другой стороны, третий член CMP и/или его помощники имеют полное право участвовать в расследовании.

2. CMP принимает решение по делу на основании доказательств, предоставленных обеими сторонами и Центральным розыскным агентством МККК: предполагается живым, мертв, исчез без видимых или иных заметных следов.

3. Если CMP не может сделать вывод на основании представленной информации, дополнительное расследование проводится по запросу любого члена CMP. Третий член CMP и/или его помощники участвуют во всех дополнительных расследованиях. В случае необходимости CMP с согласия обеих сторон нанимает следователей".

184. Правила 1984 года закрепляют в качестве "руководящих принципов" то, что "расследования проводятся исключительно в интересах семей пропавших без вести лиц и должны, соответственно, убедить членов этих семей. Все возможные средства используются для установления судьбы пропавших без вести лиц". Семьи пропавших без вести лиц могут направлять комитету сообщения, передаваемые надлежащему члену комитета. Этот член CMP, в конечном счете, предоставляет семье "окончательную информацию о судьбе конкретного лица", но предварительная информация не должна раскрываться никаким членом комитета семье пропавшего без вести во время обсуждения конкретного дела.

185. Вся процедура рассмотрения дел в комитете и его выводы строго конфиденциальны, но комитет может издавать публичные сообщения или отчеты, не нарушая данного правила. В соответствии с правилами 1984 года пресс-релиз издается при закрытии встречи или серии встреч, и также публикуются специальные отчеты о движении дела. Члены комитета могут делать дополнительные сообщения для прессы и средств массовой информации при условии соблюдения ими правил конфиденциальности, избегания критики и противоречий с совместными заявлениями, а также любых форм пропаганды.

186. Из-за этой строгой конфиденциальности процедуры CMP отсутствует какая-либо подробная информация о движении и результатах расследований. Однако из соответствующих разделов регулярных отчетов о ходе проведения Операции ООН на Кипре, представляемых Генеральным секретарем ООН Совету Безопасности ООН, следует, что работа комитета началась в мае 1984 года с ограниченного и равного числа дел с обеих сторон (Doc. S/16596 of 1.6.1984, para. 51), что к 1986 году была достигнута продвинутая стадия в расследовании первоначальных 169 индивидуальных дел, и по 40 делам начались дополнительные расследования, по которым были представлены заключения (Doc. S/18102/Add. 1, of 11 June 1986, para. 15), и что, хотя не было встречено трудностей при организации собеседований и посещений на местах, реальные трудности возникали из-за истечения большого периода времени и особенно отсутствия сотрудничества со стороны свидетелей.

187. Это сподвигло комитет на публикацию объемного сообщения для прессы 11 апреля 1990 г. (Doc. S/21340/Annex). В этом сообщении комитет заявил, что считал фундаментальным сотрудничество со стороны свидетелей, но что свидетели зачастую с неохотой и нежеланием или просто не имеют возможности представить полную информацию о том, что им известно об исчезновении без вести пропавшего лица. Однако комитет не мог заставить свидетеля говорить. Причиной

нежелания свидетелей давать показания было то, что они опасались инкриминировать себе или другим лицам факты исчезновения, несмотря даже на заверения комитета, что предоставленная информация будет храниться в строгой конфиденциальности и что "в их отношении не будет проведено какого-либо полицейского или судебного расследования". Комитет призывал стороны поощрять свидетелей давать максимально полную информацию, которая им известна. Далее он отметил:

"Чтобы еще больше уменьшить страхи свидетелей, Комитет с целью предоставления максимальных гарантий свидетелям изучает меры, которые могут быть приняты для обеспечения того, чтобы они имели иммунитет от возможного судебного и/или полицейского преследования исключительно в связи с вопросом исчезновения людей и в отношении любых показаний, устных или письменных, сделанных для Комитета в рамках его деятельности, предусмотренной мандатом".

188. В том же пресс-релизе комитет подчеркнул, что он считал правомерным желание семей получить опознаваемые останки пропавших без вести лиц. Однако, несмотря на систематические расследования на местах захоронения пропавших без вести лиц с обеих сторон, он был безуспешен в этом отношении. Комитет напомнил, что в соответствии со своими пределами компетенции он не мог сам издавать постановления об эксгумации. Кроме того, хотя у него был доступ ко всем имевшимся доказательствам, комитет не нашел общего знаменателя по вопросу оценки важности этих доказательств. Наконец, комитет сообщил, что он рассматривал возможность подачи запроса на предоставление обеими сторонами основной информации относительно материалов дел всех пропавших без вести лиц, чтобы он мог представлять себе общую картину всей проблемы.

189. В декабре 1990 года Генеральный секретарь ООН написал письмо лидерам обеих сторон, заметив, что до сих пор комитет сообщил подробности лишь в отношении примерно 15% дел, и убеждая их предоставить все дела. Далее он подчеркнул важность достижения консенсуса относительно критериев, которые могли бы применяться обеими сторонами в ходе соответствующих расследований. Кроме того, комитет должен изучить способы предоставления семьям любой значимой информации (Doc. S/24050, of 31 May 1992, para. 38). 4 октября 1993 г. в очередном письме лидерам обеих общин Генеральный секретарь ООН отметил, что не было никаких улучшений и что международное сообщество не может понять, почему комитет спустя девять лет после создания не может эффективно функционировать. Лишь 210 дел было заявлено греко-киприотской стороной и 318 – турецко-киприотской. Он снова призвал обе стороны предоставить все дела без дальнейших задержек, а комитет – достигнуть консенсуса относительно критериев завершения расследований (Doc. S/26777, of 22 November 1993, paras. 88–90).

190. 17 мая 1995 г. Генеральный секретарь ООН, основываясь на отчете третьего члена СМР и предложениях обеих сторон, выдвинул компромиссные предложения по критериям завершения расследований (Doc. S/1995/488, of 15 June 1995, para. 47), которые впоследствии были приняты обеими сторонами (Doc. S/1995/1020, of 10 December 1995, para. 33). К декабрю 1995 года греко-киприотская сторона предоставила все имевшиеся у нее материалы дел (1 493). Однако в марте 1996 года уволился третий член СМР, и Генеральный секретарь ООН в качестве условия назначения нового члена потребовал предварительно урегулировать ряд нерешенных вопросов, включая классификацию дел, очередность расследований, приоритеты и быстрый сбор информации по делам, по которым не установлены свидетели (Doc. S/1996/411, of 7 June 1996, para. 31). После неоднократных призывов решить эти вопросы (Doc. S/1997/437, of 5 June 1997, paras. 24–25) обе стороны, наконец, пришли к соглашению 31 июля 1997 г. об обмене информацией о расположении могил без вести пропавших лиц и о возвращении их останков. Они также попросили назначить нового третьего члена СМР (Doc. S/1997/962, of 4 December 1997, paras. 21 and 29–31). Тем не менее к июню 1998 года не было предпринято никаких шагов по исполнению данного соглашения. Генеральный секретарь ООН отметил в этом контексте, что турецко-киприотская сторона утверждала, что жертвы государственного переворота против архиепископа Макариоса (Makarios) в 1974 года также значились в списке без вести пропавших лиц и что данное положение отклонялось от соглашения (Doc. S/1998/488, of 10 June 1998, para. 23).

191. К моменту составления доклада Европейской Комиссии новый третий член СМР был назначен (*ibid*. para. 24). Комитет не завершил свои расследования, и, соответственно, семьи без вести пропавших лиц не были проинформированы о судьбе последних».

2. Эксгумация и идентификация останков

86. С августа 2006 года СМР начал большой проект по эксгумации останков тел в установленных местах захоронения с целью их идентификации и обеспечения их возвращения семьям. Также был создан специальный отдел для обеспечения информацией семей без вести пропавших.

87. По информации, предоставленной властями Турции, было установлено 430 наборов останков, 275 тел было передано для анализа и идентификации в антропологическую лабораторию, с июня 2007 года 105 тел было идентифицировано (76 греков-киприотов и 29 турок-киприотов), к 13 марта 2008 г. было закрыто 84 дела в отношении без вести пропавших лиц, к дате слушания 5% без вести пропавших лиц было идентифицировано, и их останки были возвращены родственникам для погребения, к 10 сентября 2008 г. 180 мест было посещено отрядами с представителями обеих общин (155 на севере и 25 на юге)[1].

[1] Первая группа идентифицированных останков включала 13 турок-киприотов в Алеминьо (*Aleminyo*); впоследствии были идентифицированы 22 грека-киприота в Казафани (*Kazaphani*), Ливадхии (*Livadhia*) и Сандалларисе (*Sandallaris*) и шесть турок-киприотов в районе Фамагуста (*Famagusta district*). После этого их имена были исключены из списка без вести пропавших лиц.

3. Решение Комитета министров Совета Европы от 23 марта 2009 г.

88. В ходе последующего процесса надзора в отношении исполнения Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (жалоба № 25781/94, *ECHR* 2001-IV) Комитет министров Совета Европы рассмотрел вопрос без вести пропавших лиц и *inter alia*:

«2. Полагал, что решающее значение имеет, чтобы текущая деятельность СМР осуществлялась при наилучших условиях и без промедлений;

3. Как результат, подтверждая, что исполнение постановления требует эффективных расследований, отметил, что проведение этих расследований не должно ставить на грань срыва миссию СМР;

4. Счел, что эти две существенные цели должны быть приняты во внимание при определении очередности принятия мер в рамках эффективных расследований и при осуществлении деятельности СМР;

5. Подчеркнул в любом случае срочную необходимость принятия турецкими органами конкретных мер с целью проведения эффективных расследований, требуемых в соответствии с постановлением, в частности. относящихся к доступу СМР ко всей значимой информации и во все места;

6. В данном контексте подчеркнул, кроме того, важность охраны любой информации, полученной в ходе реализации СМР программы эксгумации и идентификации…».

B. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАСИЛЬСТВЕННЫМ ИСЧЕЗНОВЕНИЯМ

1. Декларация Организации Объединенных Наций о защите всех лиц от насильственных исчезновений (принятая резолюцией 1/Res/47/133 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 г.)

89. Данная декларация предусматривает, *inter alia*:

«Статья 1

1. Любой акт насильственного исчезновения является оскорблением человеческого достоинства. Он осуждается как отрицание целей Устава Организации Объединенных Наций и как серьезное и вопиющее нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подтвержденных и развитых в относящихся к этой области международных документах.

2. Любой акт насильственного исчезновения ставит лиц, подвергшихся такому акту, вне защиты закона, а также причиняет тяжкие страдания им и их семьям. Он является нарушением норм международного права, гарантирующих, в частности, право на признание правосубъектности личности, право на свободу и безопасность личности и право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Он является также нарушением права на жизнь или представляет собой серьезную угрозу этому праву.

Статья 2

1. Ни одно государство не должно практиковать, позволять или допускать насильственные исчезновения.

2. Государства действуют на национальном и региональном уровнях и в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций для того, чтобы всеми средствами содействовать предотвращению и искоренению практики насильственных исчезновений.

Статья 3

Каждое государство принимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предотвращения и искоренения актов насильственного исчезновения на любой территории, находящейся под его юрисдикцией. (…)

Статья 17

1. Любой акт насильственного исчезновения рассматривается в качестве длящегося преступления до тех пор, пока лица, совершившие его, скрывают сведения о судьбе и месте нахождения исчезнувшего лица и пока не будут выяснены соответствующие факты.

2. Когда средства правовой защиты, предусмотренные в статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, перестают действовать, действие срока давности в отношении актов насильственного исчезновения приостанавливается до возобновления действия этих средств правовой защиты.

3. Срок давности, в тех случаях, когда он предусмотрен, в отношении актов насильственного исчезновения должен быть длительным и соразмерным с особо тяжким характером этого преступления. (…)

Статья 19

Жертвы актов насильственного исчезновения и их семьи получают возмещение и имеют право на соответствующую компенсацию, включая средства, обеспечивающие им максимально возможную реабилитацию. В случае смерти жертвы в результате акта насильственного исчезновения лица, находящиеся на его иждивении, также имеют право на компенсацию.».

90. Рабочая группа ООН по насильственным и недобровольным исчезновениям приняла, *inter alia*, следующие Общие комментарии к Декларации:

«Общий комментарий по статье 17 Декларации (E/CN.4/2001/68 18 December 2000)

…

27. В статье 17 устанавливаются основополагающие принципы, призванные прояснить характер насильственных исчезновений и их уголовных последствий. Смысл и общая цель этой статьи заключаются в обеспечении условий, при которых лица, ответственные за совершение действий,

представляющих собой насильственное исчезновение, привлекались бы к судебной ответственности в рамках ограничительного подхода к сроку давности…

28. Определение "длящееся преступление" (пункт 1) имеет важнейшее значение для определения ответственности государственных органов. Кроме того, эта статья предусматривает очень жесткие условия. Статья направлена на то, чтобы лица, виновные в совершении таких уголовных преступлений, не могли воспользоваться принципом срока давности…».

Общий комментарий по статье 19 Декларации (5/CN.4/1998/43 12 January 1998)

«72. Кроме того, в статье 19 однозначно упоминается право жертв и их семей на "соответствующую компенсацию". В этой связи государства обязаны принимать законодательные и иные меры, позволяющие жертвам требовать компенсацию в судах или специальных административных органах, наделенных правом предоставлять компенсацию. Помимо выживших жертв исчезновения, их семьи также имеют право на компенсацию в связи с лишениями, перенесенными ими за период исчезновения, а в случае смерти жертв право на компенсацию переходит к находившимся на их иждивении лицам.

73. Размеры компенсации должны быть "соответствующими", т.е. пропорциональными тяжести совершенного нарушения прав человека (с учетом, в частности, времени исчезновения, условий содержания под стражей и т.д.) и мере перенесенных жертвой и его семьей страданий. Денежная компенсация предоставляется за любой ущерб, сопряженный с актом насильственного исчезновения, включая, в частности, физический или психический ущерб, утраченные возможности, материальные потери и утрату доходов, нанесение ущерба репутации и расходы на юридическую или иную специальную помощь. Гражданские иски о компенсации не должны ограничиваться законами об амнистии, подпадать под ограничительные нормативные акты или зависеть от выносимых преступникам уголовных санкций.

74. Предусмотренное статьей 19 право на соответствующую компенсацию в связи с актами насильственного исчезновения следует отличать от права на компенсацию в связи с произвольными казнями. Иными словами, осуществление права на компенсацию в связи с актом насильственного исчезновения не следует увязывать со смертью жертвы. Вместе с тем "в случае смерти жертвы в результате акта насильственного исчезновения" лица, находящиеся на ее иждивении, имеют право на дополнительную компенсацию в силу нормы, закрепленной в заключительной части статьи 19. Если путем эксгумации или применения аналогичных способов доказывания не удается установить факт смерти соответствующей жертвы, то государства обязаны предусмотреть надлежащие юридические процедуры, предусматривающие официальное признание факта смерти или устанавливающие аналогичный правовой статус жертвы, позволяющий находившимся на ее иждивении лицам осуществить их право на компенсацию. В соответствующих законах должны конкретно оговариваться юридические требования, оговаривающие применение такой процедуры, включая, в частности, минимальный период исчезновения, определение категории лиц, правомочных возбуждать такие процедуры, и т.д. При этом следует исходить из общего принципа, согласно которому жертва насильственного исчезновения не может быть признана погибшей, несмотря на возражения семьи».

2. Международная Конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (2006)[1]

91. Конвенция гласит *inter alia*:

«Статья 1

1. Никто не может подвергаться насильственному исчезновению.

2. Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием насильственного исчезновения.

Статья 2

Для целей настоящей Конвенции насильственным исчезновением считаются арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона.

Статья 3

Каждое государство-участник принимает соответствующие меры для расследования действий, определенных в статье 2, которые совершаются лицами или группами лиц, действующими без разрешения, поддержки или согласия государства, и для предания правосудию ответственных за это лиц.

Статья 4

Каждое государство-участник принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы насильственное исчезновение квалифицировалось в качестве правонарушения в его уголовном праве.

Статья 5

Широко распространенная или систематическая практика насильственных исчезновений является преступлением против человечности, как оно определяется в применимом международном праве, и влечет за собой последствия, предусмотренные таким применимым международным правом.

[1] Данная Конвенция была открыта для подписания в феврале 2007 года. «Конвенция вступает в силу на тридцатый день после сдачи на хранение Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций двадцатой ратификационной грамоты или документа о присоединении». Только пять государств ратифицировали Конвенцию (Албания, Аргентина, Франция, Гондурас и Мексика).

Статья 8

Без ущерба для статьи 5,

1. Каждое государство-участник, которое применяет срок давности в отношении актов насильственного исчезновения, принимает необходимые меры к тому, чтобы срок давности в уголовном производстве:

a) был продолжительным и соразмерным чрезвычайной серьезности этого преступления;

b) начинал исчисляться с того момента, когда преступление насильственного исчезновения становится оконченным, с учетом его длящегося характера.

2. Каждое государство-участник гарантирует право жертв насильственного исчезновения на эффективное средство правовой защиты во время действия срока давности.».

3. Межамериканская Конвенция о насильственном исчезновении лиц (1994)

92. Конвенция гласит *inter alia*:

«**Статья I**

Государства – участники настоящей Конвенции обязуются:

a) не практиковать, не позволять или не допускать насильственного исчезновения лиц даже в условиях чрезвычайного положения или приостановки гарантий прав личности;

b) наказывать в рамках своей юрисдикции лиц, которые совершают или пытаются совершить преступление в форме насильственного исчезновения, а также их соучастников и сообщников;

c) сотрудничать друг с другом в целях содействия предупреждению, наказанию и искоренению насильственного исчезновения лиц;

d) принимать законодательные, административные, судебные и любые иные меры, необходимые для целей соблюдения взятых в соответствии с настоящей Конвенцией обязательств.

Статья II

Для целей настоящей Конвенции под насильственным исчезновением понимается деяние в форме лишения лица или лиц свободы любым образом, совершенное представителями государства или лицами или группами лиц, действующими с санкции и при поддержке или попустительстве государства, при последующем отсутствии информации или отказе подтвердить такое лишение свободы или представить информацию о местонахождении соответствующего лица, что тем самым препятствует обращению этим лицом к применимым средствам правовой защиты и процессуальным гарантиям.

Статья III

Государства-участники обязуются принимать в соответствии со своими конституционными процедурами законодательные меры, которые могут потребоваться для целей квалификации акта насильственного исчезновения в качестве преступного деяния и налагать соответствующее наказание с учетом его особой тяжести. Такое деяние рассматривается в качестве длящегося или продолжающегося преступления до тех пор, пока не будут выяснены сведения о судьбе или местонахождении жертвы».

C. ПРАКТИКА ДРУГИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ ЮРИСДИКЦИИ *RATIONE TEMPORIS* ПО ДЕЛАМ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИЯХ

1. Межамериканский суд по правам человека

93. Межамериканский суд по правам человека установил, что в соответствии с несколькими положениями Американской Конвенции о правах человека (далее – Американская Конвенция) в отношении убийств и исчезновений возникают обязательства процессуального характера. Во многих случаях, в частности, когда материальный аспект статьи 4 Американской Конвенции (право на жизнь) не был нарушен, Межамериканский суд по правам человека рассматривал такие процессуальные жалобы автономно по статье 8 Американской Конвенции, которая, в отличие от Европейской Конвенции, гарантирует право на справедливое судебное разбирательство для рассмотрения спора о правах и обязанностях любого рода, и по статье 25 Американской Конвенции, охраняющей право на судебную защиту, взятой в совокупности с пунктом 1 статьи 1 Американской Конвенции (обязательство уважать права). Межамериканский суд по правам человека применял последний подход в случаях, когда факт убийства или исчезновения имел место до признания его юрисдикции государством-ответчиком.

94. По делу «Блейк против Гватемалы» (Blake v. Guatemala) Межамериканский суд по правам человека имел дело с исключением *ratione temporis*, выдвинутым государством-ответчиком в связи с тем, что само исчезновение произошло до критической даты (признание обязательной юрисдикции в 1987 году). Суд считал, что насильственные исчезновения предполагали нарушение различных прав человека и что последствия таких нарушений (даже если некоторые из них не были окончены) «могут постоянно и непрерывно продлеваться до тех пор, пока не будет установлена судьба жертвы или ее местонахождение» (*Blake,* 2 July 1996, *Preliminary Objections,* § 39).

95. О судьбе и местонахождении Блейка его семье ничего не было известно до 14 июня 1992 г., то есть до даты, когда Гватемала признала обязательную юрисдикцию Межамериканского суда по правам человека. Это позволило Межамериканскому суду сделать вывод о том, что он компетентен *ratione temporis* рассматривать «послед-

ствия и деяния», произошедшие после критической даты. Однако Межамериканский суд принял предварительное возражение государства-ответчика в отношении окончания лишения свободы Блейка и его убийства до критической даты, в связи с чем эти нарушения не могли считаться *per se* длящимися.

96. В Постановлении по делу (от 24 января 1998 г., p. 54) Межамериканский суд по правам человека признал, что момент исчезновения является точкой отсчета «длящейся ситуации». Суд рассмотрел жалобу на основании статьи 8 во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 1 Американской Конвенции и признал, что Гватемала нарушила право родственников Блейка на эффективное расследование фактов его исчезновения и смерти, на преследование и наказание в случае необходимости виновных лиц, а также на компенсацию, несмотря на отсутствие временной юрисдикции по рассмотрению материальных жалоб.

97. Межамериканский суд по правам человека делал аналогичный вывод по делам об исчезновениях, в которых местонахождение жертвы так никогда и не было установлено. В деле «Сестры Серрано-Круз против Сальвадора» (Serrano-Cruz Sisters v. El Salvador), Постановление от 23 ноября 2004 г., *Preliminary Objections*, Суд признал, что он не имел компетенции рассматривать на предмет нарушения статей 4, 5 и 7 Американской Конвенции (право на личную свободу) сами случаи исчезновения сестер, так как они произошли за 13 лет до того, как Сальвадор признал юрисдикцию Суда по спорам между сторонами. К такому же выводу Суд пришел в отношении процессуальных нарушений, производство по которым было возбуждено в соответствии со статьей 4 Межамериканской Комиссией по правам человека, так как эти нарушения были связаны с предполагаемым насильственным исчезновением (§ 95). Однако Межамериканский суд по правам человека счел, что не все факты, произошедшие после критической даты и упомянутые в статьях 8 и 25 Американской Конвенции (подача жалобы о *habeas corpus* в рамках уголовного производства), исключались временным ограничением, установленным государством, так как они представляли собой «независимые факты» или «специфичные и автономные нарушения, касающиеся отказа в правосудии» (§ 85). По существу дела Суд признал, что государство нарушило статьи 8 и 25 Американской Конвенции, вследствие чего был причинен вред обеим сестрам и их ближайшему родственнику (Постановление от 1 марта 2005 г.).

98. В более позднем постановлении по делу «Хелиодоро Португал против Панамы» (Heliodoro Portugal v. Panama) от 12 августа 2008 г. суд Сан-Хосе[1] провел четкое различие между насильственными исчезновениями и внесудебными убийствами в контексте юрисдикции этого суда *ratione temporis*. Дело касалось насильственного исчезновения в 1970 году (за 20 лет до признания Панамой обязательной юрисдикции суда) Хелиодоро Португала, останки которого были обнаружены в 2000 году. Суд счел, что потерпевший должен считаться умершим до дня признания юрисдикции Суда (9 мая 1990 г.), учитывая тот факт, что 20 лет прошло с момента его исчезновения. Суд охарактеризовал внесудебное убийство как мгновенный акт и принял предварительное возражение государства-ответчика относительно права на жизнь (статья 4). Однако, что касается насильственного исчезновения как такового, Суд применил имевшуюся судебную практику и признал, что данное нарушение имеет длящийся и постоянный характер, так как оно продолжалось после критической даты до момента обнаружения в 2000 году останков потерпевшего. Суд был компетентен рассматривать следующие нарушения, связанные с исчезновением: лишение свободы потерпевшего (статья 7 Американской Конвенции), нарушение права родственников на гуманное обращение (статья 5 Американской Конвенции), несоблюдение обязанности расследования предполагаемых исчезновений, отсутствие криминализации насильственных исчезновений и пыток в национальном законодательстве и отсутствие расследования и наказания в отношении актов пытки[2]. По существу дела Межамериканский суд по правам человека признал нарушение права на личную свободу (статья 7 Американской Конвенции) и нарушение статей I и II Межамериканской Конвенции о насильственном исчезновении лиц в отношении умершего. Кроме того, Суд установил нарушение статей 5 (право на гуманное обращение), 8 и 25 Американской Конвенции в отношении родственников умершего.

2. Комитет ООН по правам человека

99. В отношении насильственных исчезновений Комитет по правам человека признал «степень страданий, связанных с содержанием под стражей в течение неопределенного срока без контактов с внешним миром», составляющей «жестокое и бесчеловечное обращение», нарушающее статью 7 Международного Пакта о гражданских и политических правах в отношении исчезнувших лиц[3].

[1] То есть Межамериканский суд по правам человека. Резиденция Суда находится в г. Сан-Хосе в Коста-Рике (*примеч. переводчика*).

[2] Последние две обязанности вытекают не только из Межамериканской Конвенции, но и из Межамериканской Конвенции о насильственном исчезновении лиц (2004) и Межамериканской Конвенции по предупреждению и наказанию пыток (1985), ссылка на которые может быть сделана в Суде на основании пункта (d) статьи 29 Межамериканской Конвенции.

[3] См. дело «Сарма против Шри-Ланки» (Sarma v. Sri Lanka) от 16 июля 2003 г., § 9.5. См. также дело «Эдрисс Эль Хасси про-

Исчезновения часто приводили к нарушениям права на жизнь, закрепленного в статье 6 Пакта. В замечании общего порядка № 6 относительно права на жизнь Комитет по правам человека отметил:

> «Государства-участники должны также принять конкретные и эффективные меры по предотвращению случаев исчезновения отдельных лиц, которые, к сожалению, стали слишком распространенными и слишком часто приводят к произвольному лишению жизни. Кроме того, государства должны разработать эффективные средства и процедуры тщательного расследования дел об исчезнувших и пропавших без вести лицах при обстоятельствах, которые могут быть связаны с нарушением права на жизнь»[1].

100. В ряде дел Комитет по правам человека признал, что нарушение статьи 6 Пакта имело место, но не имел возможности принять окончательное решение по данному вопросу ввиду отсутствия подтверждений факта смерти[2]. Исчезновения также могут привести к нарушениям статьи 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), статьи 10 (право всех лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности) и статьи 7 в отношении родственников исчезнувших лиц, учитывая стресс, чувство беспокойства и неопределенности, причиняемые таким исчезновением[3].

101. Позитивная обязанность по расследованию случаев исчезновения (упомянутая в замечании общего характера по праву на жизнь) также может быть нарушена в подобных делах, в таких ситуациях может иметь место нарушение пункта 3 статьи 2 (который закрепляет право на эффективное средство правовой защиты) во взаимосвязи со статьей 6. Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 31 по пунктам 2 и 3 статьи 2 Пакта подчеркнул, что отсутствие расследования тяжких нарушений, таких как насильственные исчезновения или пытки, а также отсутствие привлечения к правосудию лиц, совершивших такие преступления, может составить отдельное нарушение Пакта. Таким образом, Комитет по правам человека получил основания для признания нарушения статей 6, 7 и 9 во взаимосвязи с пунктом 3 статьи 2 Пакта[4].

102. С другой стороны, позиция Комитета по правам человека в отношении его темпоральной юрисдикции изменилась в последние годы в случаях исчезновений, которые произошли до даты вступления в силу Пакта или Факультативного протокола в отношении государства.

103. По делам об исчезновении людей в Аргентине («S.E. против Аргентины» (S.E. v. Argentina), 4 апреля 1990 г.) Комитет по правам человека признал, что пункт 3 статьи 2 Пакта не мог быть нарушен государством-участником в отсутствие юрисдикции в отношении материального нарушения. По делу «Мария Отилия Варгас против Чили» (Maria Otilia Vargas v. Chile) 26 июля 1999 г. Комитет по правам человека объявил неприемлемым *ratione temporis* сообщение, относившееся к сыну жалующегося лица, тело которого так и не было обнаружено с момента его смерти в 1973 году. Комитет по правам человека признал, что решение Верховного Суда от 1995 года, которым была отклонена жалоба в отношении применения Декрета об амнистии 1978 года, не могло рассматриваться в качестве вновь открывшегося обстоятельства, которое могло повлиять на права лица, убитого в 1973 году, до вступления Пакта и Факультативного Протокола в силу в отношении Чили.

104. В деле «Сарма против Шри-Ланки» (16 июля 2003 г.) жалующееся лицо утверждало, что его сына забрали военнослужащие в июне 1990 года, и в последний раз его видели в октябре 1991 года. Шри-Ланка стала стороной Факультативного Протокола в октябре 1997 года, сделав заявление об ограничении компетенции Комитета по правам человека лишь фактами, возникшими после этой даты. Комитет признал, что, хотя первоначальное похищение было совершено в период, лежащий вне его временной юрисдикции, «предполагаемые нарушения Пакта, будучи подтвержденными по существу, могли произойти или продолжиться после вступления в силу Факультативного Протокола»[5]. Далее Комитет установил нарушение статей 7 и 9 в отношении сына и статьи 7 в отношении жалующегося лица и его жены, которым были причинены стресс и чувство беспокойства в связи с неизвестностью местонахождения их сына. Комитет по правам человека также подчеркнул, что государство обязано в соответствии с пунктом 3 статьи 2 «обеспечить жалующемуся лицу и его семье эффективное средство правовой защиты, включая тщательное и эффективное расследование обстоятельств исчезновения и судьбы сына жалующегося лица…»[6], что предполагало, что государство могло быть обязанным расследовать дела, которые имели место до вступления в силу Факультативного Протокола. Наконец, Комитет по правам человека воздержался от признания нарушенной статьи 6,

тив Ливийской Арабской Джамахирии» (Edriss El Hassy v. Libyan Arab Jamahiriya) от 24 октября 2007 г., § 6.8.

[1] Замечание общего порядка № 6 (1982), пункт 4.

[2] См. дело «Блейер против Уругвая» (Bleier v. Uruguay) от 29 марта 1982 г., § 14.

[3] См. дело «Эдрисс Эль Хасси против Ливийской Арабской Джамахирии», § 7.

[4] См. дело «Фараг Мохаммед Эль Альвани против Ливии» (Mr. Farag Mohammed El Alwani v. Libya) от 11 июля 2006 г. Комитет по правам человека установил нарушение пункта 3 статьи 2 во взаимосвязи со статьей 7 в отношении родственника.

[5] Пункт 6.2.

[6] Пункт 11.

так как жалующееся лицо не оставило надежду на возвращение своего сына.

105. Однако в деле «Юрич против Чили» (Yurich v. Chile) (12 декабря 2005 г.) Комитет по правам человека, хотя и описал насильственное исчезновение как длящийся акт, отметил, что первоначальные акты задержания и похищения, а также отказ от предоставления информации о лишении свободы были совершены до вступления Пакта в силу в отношении Чили. Комитет по правам человека отметил далее, что жалующееся лицо не сослалось на какие-либо акты государства, произошедшие после критической даты (вступления в силу Факультативного Протокола), которые являлись бы «подтверждением насильственного исчезновения». По этим причинам Комитет по правам человека признал жалобу неприемлемой.

106. Из более поздних можно привести дело «Санкара против Буркина-Фасо» (Sankara v. Burkina Faso) от 28 марта 2006 г. (см. Appendix III, p. 52), в котором Комитет по правам человека применил этот подход указания подтверждающих актов, а также изменил свой анализ при рассмотрении факта непроведения расследования обстоятельств смерти, причиненной до критической даты. Хотя Комитет по правам человека признал, что он не имел юрисдикции *ratione temporis* в отношении факта смерти Т. Санкара, далее он рассмотрел последующее производство и неисправление его свидетельства о смерти (в котором указывалось, что смерть была естественной) и их влияние на жену и двух детей Т. Санкара. Комитет по правам человека признал, что государственные органы не провели расследование по факту смерти Т. Санкара, не преследовали виновных лиц и не обеспечили жалующему лицу возможность возбудить производство для исправления ситуации. Комитет по правам человека сделал вывод, что производство по делу было затянуто государственными органами, и затяжка продолжалась после вступления Пакта и Факультативного Протокола в силу. Поэтому бездействие государственных органов отразилось на жалующихся лицах после вступления в силу международных договоров, и это давало Комитету по правам человека юрисдикцию *ratione temporis* в отношении требования по статье 7.

107. По существу Комитет по правам человека признал, что «отказ от проведения расследования факта смерти Тома Санкара, отсутствие официального признания его места захоронения и неисправление свидетельства о смерти представляли собой бесчеловечное обращение с женой Т. Санкара и ее сыновьями, нарушающее статью 7 Пакта»[1].

[1] См. пункт 12.2.

ПРАВО

I. СТАТУС БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ, ПОИМЕНОВАННЫХ ПЕРВЫМИ ЗАЯВИТЕЛЯМИ

A. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДЕЛУ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

108. Власти Турции утверждали, что сложившаяся судебная практика по делам об исчезновениях свидетельствует о том, что по истечении определенного периода времени действует презумпция смерти (например, Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» (Timurtaş v. Turkey), жалоба № 23531/94, § 83, *ECHR* 2000-VI – презумпция смерти по истечении шести с половиной лет). Учитывая ситуацию вооруженного конфликта, существовавшую в рассматриваемое время, отсутствие каких-либо достоверных доказательств того, что пропавшее без вести лицо видели по окончании боевых действий, и истечение длительного периода времени, презумпция смерти соответствовала сложившейся практике Европейского Суда и практике в государствах – участниках Конвенции, в контексте которой кипрское законодательство предусматривало, что лицо могло быть признано умершим, если о нем нет никаких новостей в течение десяти лет.

109. Заявители утверждали, что не было оснований для презюмирования того, что пропавшие без вести лица были мертвы или погибли в 1974 году. Законодательство Кипра допускало признание умершим только при обращении лица, удовлетворяющего определенным требованиям, в то время как в рассмотренных в Страсбурге делах, упомянутых властями Турции, заявители сами просили Европейский Суд сделать вывод о предполагаемой смерти своих родственников, чтобы обосновать свои жалобы на нарушение материальных норм Конвенции.

110. Власти Кипра, выступающие третьей стороной по данному делу, отвергли довод о том, что пропавших без вести лиц следует считать умершими. Подобная презумпция могла быть сделана только по просьбе заявителей.

B. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

111. Европейский Суд отметил, что замечания стороны по поводу того, могут ли пропавшие без вести лица презюмироваться умершими, были сделаны в контексте вопроса о компетенции Европейского Суда *ratione temporis*, но отметил, что они имели значение также и для вопроса о статусе первых заявителей. Согласно практике Европейского Суда и статье 34 Конвенции жалобы могут быть поданы только живыми лицами или от их имени. Когда лицо умирает после подачи жалобы, его наследники могут подать ходатайство о продолжении произ-

водства по жалобе без изменения имени заявителя. Если предполагаемая жертва нарушения умерла до подачи жалобы, то лицо, обладающее необходимым правовым интересом в качестве ближайшего родственника, может подать жалобу, касающуюся факта смерти, однако жалоба регистрируется на имя самого родственника (в отношении правоспособности на подачу жалоб см. Решение Европейского Суда по делу «Фэйрфилд против Соединенного Королевства» (Fairfield v. United Kingdom), жалоба № 24790/04, *ECHR* 2005-VI). Европейский Суд напомнил, что в своих предыдущих постановлениях, касавшихся исчезновений, практика состояла в том, чтобы указывать имена только родственников исчезнувшего лица в качестве заявителей.

112. Что касается без вести пропавших лиц, упомянутых в настоящих жалобах, во-первых, следует отметить, что останки Савваса Хаджипантели были обнаружены в 2007 году в месте массового захоронения возле Галатии на территории «Турецкой Республики Северного Кипра». В судебно-медицинских и медицинских заключениях не содержалось указаний на дату и время смерти, хотя те немногие подробности, что были предоставлены, поддерживают версию о внесудебной казни заключенных приблизительно во время боевых действий в 1974 году. Во-вторых, об остальных восьми пропавших без вести мужчинах не было никаких новостей и известий с конца 1974 года. Однако Европейский Суд не считал необходимым выносить решение по вопросу о том, следует ли наделять статусом заявителей этих без вести пропавших людей, так как в любом случае не стоит другого вопроса, кроме как что близкие родственники пропавших без вести лиц могут подавать жалобы в Европейский Суд по поводу их исчезновения, и эти жалобы подпадают под компетенцию Европейского Суда (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey) от 25 мая 1998 г., *Reports* 1998-III, Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации» (Imakayeva v. Russia), жалоба № 7615/02[1], *ECHR* 2006-XIII (извлечения)).

113. Европейский Суд убежден, что он может рассматривать эти жалобы на том основании, что родственники без вести пропавших лиц, которые подали эти жалобы, являются заявителями для целей статьи 34 Конвенции.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ТУРЦИИ

A. ОТСУТСТВИЕ ПРАВОВОГО ИНТЕРЕСА

114. Власти Турции утверждали на слушании, что в рассмотрении этих жалоб отсутствовал правовой интерес. Подчеркивая, что исчезновения всех пропавших без вести греков-киприотов были подвергнуты изучению и признаны нарушениями в четвертом межгосударственном деле, они сослались на подпункт «b» пункта 2 статьи 35 Конвенции, который запрещает рассмотрение жалоб, являющихся «по существу аналогичными». Они сослались также на подпункт «c» пункта 1 статьи 37 Конвенции, который позволял Европейскому Суду принимать решение о прекращении производства по делу «по любой другой причине, установленной Европейским Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным».

115. Заявители ответили, что межгосударственное дело не поглотило их требования, которые были индивидуальными и отдельными, а также что не было оснований для применения подпункта «c» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

116. Власти Кипра считали, что основание и цель жалобы и стороны по делу не были идентичными, а также что отсутствовали основания для отклонения жалоб по этим основаниям.

117. Европейский Суд напомнил, что в своем Решении по вопросу приемлемости настоящих жалоб для рассмотрения по существу Европейская Комиссия оставила открытым вопрос общего характера о том, запрещал ли ей бывший подпункт «b» пункта 1 статьи 27 Конвенции рассматривать в контексте индивидуальной жалобы «вопрос», который уже был рассмотрен в межгосударственном деле (Решение Европейской Комиссии по делу «Варнава и другие против Турции» (Varnava and Others v. Turkey) от 14 апреля 1998 г., жалобы №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, *Decisions and Reports* (DR) 73, p. 5, со ссылкой на Решение Европейской Комиссии по делу «Доннелли и другие против Соединенного Королевства» (Donnelly and Others v. United Kingdom) от 5 апреля 1973 г., жалобы №№ 5577/72–5583/72, *Yearbook* 16, p. 212). Европейская Комиссия в любом случае сочла, что не было установлено, что ее предыдущие выводы по третьей межгосударственной жалобе касались без вести пропавших лиц, указанных в настоящих жалобах, а также что в связи с тем, что четвертую межгосударственную жалобу еще только предстояло рассмотреть по существу, вопрос не мог считаться уже рассмотренным и в этом контексте.

118. С того времени было вынесено Постановление Большой Палаты Европейского Суда по четвертому межгосударственному делу («Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey), жалоба № 25781/94, *ECHR* 2001-IV), и действительно в него были включены выводы о нарушении статей 2, 3 и 5 Конвенции в отношении без вести пропавших греков-киприотов и их семей. Однако, чтобы жалоба была по существу аналогичной другой рассмотренной Европейским Судом жалобе или иной процедуре международного расследова-

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2008. № 2 (*примеч. редактора*).

ния или урегулирования по смыслу подпункта «b» пункта 2 статьи 34 Конвенции, она не только должна касаться по существу тех аналогичных фактов и жалоб, но и быть подана теми же лицами (см. Решение Европейского Суда по делу «Ингебьёрг Фольгерё и другие против Норвегии» (Ingebjørg Folgerø and Others v. Norway) от 14 февраля 2006 г., жалоба № 15472/02, Решение Европейского Суда по делу «Мальсагова и другие против Российской Федерации» (Malsagova and Others v. Russia) от 6 марта 2008 г., жалоба № 27244/03). Поэтому подача межгосударственной жалобы властями государства – участника Конвенции не лишает индивидуальных заявителей возможности подачи или поддержки их собственных требований.

119. В той мере, в которой власти Турции в самый последний момент оспорили правовой интерес заявителей в подаче этой жалобы и сослались на подпункт «c» пункта 1 статьи 37 Конвенции, Европейский Суд отметил, что в выводах по четвертому межгосударственному делу не уточнялось, в отношении каких конкретно без вести пропавших лиц они были сделаны (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по четвертому межгосударственному делу («Кипр против Турции», § 133, в котором было признано, что доказательства поддерживали довод о том, что «многие пропавшие в настоящее время лица» содержались под стражей властями Турции или подконтрольными им силами)). Поэтому данное Постановление нельзя рассматривать как разрешающее вопросы и требования, содержащиеся в настоящих жалобах. В этом отношении следует отметить также, что при рассмотрении отдельных жалоб Европейский Суд компетентен выносить решения о присуждении справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, причиненного заявителям, и давать указания на основании статьи 46 Конвенции относительно мер общего или индивидуального характера, которые могли бы быть приняты. Поэтому нельзя сказать, что настоящие жалобы не могут поднять вопросы или привести к результатам, отличным от вопросов и результатов четвертого межгосударственного дела, либо что интересы отдельных заявителей поглощаются каким-либо образом постановлением, вынесенным по тому делу, вследствие чего больше нет оснований для продолжения рассмотрения их жалоб. Соответственно, Европейский Суд полагал, что правовой интерес в продолжении рассмотрения этих жалоб сохранился.

120. Поэтому указанные возражения подлежат отклонению.

B. ВОЗРАЖЕНИЕ *RATIONE TEMPORIS*

1. Постановление Палаты

121. Палата исключила из сферы своего рассмотрения все заявления о нарушениях, основанные на фактах, произошедших до ключевой даты ратификации Турцией положений, предусматривающих право на подачу индивидуальной жалобы, то есть до 28 января 1987 года. Палата отметила, что Большая Палата по четвертому межгосударственному делу признала, что исчезновение около 1 485 греков-киприотов представляло собой длящееся нарушение статьи 2 Конвенции в той мере, в которой турецкие государственные органы не провели эффективного расследования с целью прояснения местонахождения и судьбы лиц, пропавших без вести при угрожающих жизни обстоятельствах. Палата не видела причин отступать от этой позиции в настоящем деле, касавшемся девяти пропавших без вести лиц, и сделала вывод, что в той мере, в которой действовало длящееся обязательство по статье 2 Конвенции, Палата имела компетенцию *ratione temporis*.

2. Замечания по делу, представленные в Европейский Суд

a. Власти Турции

122. Власти Турции утверждали, что темпоральная юрисдикция была важнейшим условием рассмотрения этих дел. Они утверждали, что Палата не применила принципы, закрепленные Большой Палатой в Постановлении по делу «Блешич против Хорватии» (Blečić v. Croatia), жалоба № 59532/00, *ECHR* 2006-III, с надлежащим учетом международной практики. Они утверждали, что заявление о длящейся ситуации не являлось достаточным или решающим, так как определяющим был вопрос о том, было ли государство связано обязательством в момент существования фактов, лежащих в основе спора. Вопросы, связанные с длящейся ситуацией или нарушением, начинают действовать только после установления нормы, связывающей государство на будущее начиная с данного момента, как демонстрируют положения самой статьи 6 Протокола № 11 к Конвенции. Турция признала компетенцию Европейской Комиссии по принятию индивидуальных заявлений начиная с 28 января 1987 г., это касалось лишь вопросов, относящихся к фактам, которые произошли после объявления Турцией своей декларации.

123. Таким образом, власти Турции подчеркнули в отношении данных дел, что заявления об исчезновениях были основаны на фактах, произошедших в июле-августе 1974 года, после октября 1974 года никого из без вести пропавших лиц никто не видел. Однако власти Турции признали право на подачу индивидуального заявления только 28 января 1987 г. и только в отношении жалоб на нарушения, произошедшие после этой даты. Соответственно, Европейский Суд не имел темпоральной юрисдикции в отношении рассматриваемых событий. В то время как Палата Суда в своем

Постановлении пыталась применить подход из четвертого межгосударственного дела к этому вопросу, власти Турции подчеркнули, что темпоральная юрисдикция не затрагивалась в настоящем деле, так как Палата перепутала данный вопрос с вопросами существа дела, касающимися наличия длящейся ситуации. Далее, ни в Постановлении по делу «Блешич против Хорватии», ни в декларации Турции не делалось исключений в отношении длящихся ситуаций. Власти Турции отметили, что в Постановлении по делу «Блешич против Хорватии» была сделана ссылка на Решение Европейского Суда по делу «Молдован и другие против Румынии» (Moldovan and Others v. Romania) от 13 марта 2001 г., жалобы №№ 41138/98 и 64320/01, в котором по жалобе на нарушение статьи 2 Конвенции вследствие неэффективного расследования убийств было признано, что темпоральная юрисдикция отсутствовала в случае, когда убийства произошли до ратификации Конвенции. Это демонстрировало, что последствия первоначальных фактов также не могли быть рассмотрены, за исключением так называемых длящихся ситуаций, как показано в более поздних делах, например, в Решении Европейского Суда по делу «Холодов и Холодова против Российской Федерации» (Kholodov and Kholodova v. Russia) от 14 сентября 2006 г., жалоба № 30651/05[1], в котором Европейский Суд признал, что последующее отсутствие средств правовой защиты от произошедшего ранее вмешательства не могло распространить на данный вопрос темпоральную юрисдикцию (власти Турции также процитировали Решение Европейского Суда по делу «Динчев против Болгарии» (Dinchev v. Bulgaria) от 6 марта 2007 г., жалоба № 23057/03, Решение Европейского Суда по делу «Мериакри против Республики Молдова» (Meriakri v. Moldova) от 16 января 2001 г., жалоба № 53487/99, Решение Европейского Суда по делу «Мркич против Хорватии» (Mrkić v. Croatia) от 8 июня 2006 г., жалоба № 7118/03, и Решение Европейского Суда по делу «Джакир против Кипра» (Cakir v. Cyprus) от 11 января 2008 г., жалоба № 7864/06, в котором жалобы на убийство в 1974 году были отклонены из-за ограничения по времени). Поэтому Палате следовало воздержаться от рассмотрения не только обстоятельств, произошедших в 1974 году, но и процедур и фактов, которые вытекали из этих обстоятельств или были связаны с ними. Противоположный подход не соответствовал бы сложившейся практике Европейского Суда. Отклоняя предварительное возражение на основании вывода о наличии длящегося обязательства, Палата в действительности предрешала дело по существу.

124. В той мере, в которой заявители утверждали, что обязательство провести расследование было автономным, данный вопрос был урегулирован в Постановлении по делу «Блешич против Хорватии», в котором было ясно сказано, что процедуры, касавшиеся непредоставления средства правовой защиты, не затрагивали темпоральную юрисдикцию в отношении событий и фактов, произошедших до ратификации. В данном случае не могло быть отдельного процессуального обязательства, изолированного от фактического происхождения жалоб. Далее власти Турции утверждали, что процессуальное обязательство провести расследование, предусмотренное статьями 2 и 3 Конвенции, было недавним и не могло рассматриваться как связывающее государства заранее. Они сослались в данной связи на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии» (Markovic and Others v. Italy), жалоба № 1398/03, § 111, *ECHR* 2006-… и на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии» (Korbely v. Hungary) от 19 сентября 2008 г., жалоба № 9174/02, § 84, *ECHR* 2008-…

125. Что касается предполагаемой длящейся ситуации, власти Турции утверждали, что Палата не учла сложившуюся практику по исчезновениям, которая демонстрировала, что по прошествии определенного периода времени начинает действовать презумпция смерти (см. также довод властей Турции, изложенный выше в § 108). Поэтому первые заявители должны презюмироваться умершими до того, как начала действовать временная юрисдикция.

b. Заявители

126. Заявители утверждали, что Европейский Суд имел юрисдикцию, необходимую для рассмотрения длящихся нарушений, которые хотя и имеют историческое начало в прошлом, продолжались на момент и после признания Турцией права на подачу индивидуального жалобы (они процитировали Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (существо дела) (Loizidou v. Turkey) (*merits*) от 18 декабря 1996 г., §§ 41 и 47, *Reports* 1996-VI). Хотя первые заявители исчезли в 1974 году, нарушения, вытекающие из и/или в связи с этими исчезновениями, с тех пор продолжались. Они отрицали, что их жалобы были основаны на одномоментных актах, совершенных в 1974 году, но утверждали, что они касались нарушений длящегося характера, удовлетворяющих любым временным ограничениям и продолжающихся до сих пор. Они сослались на мотивировку Европейского Суда по вопросу длящегося характера нарушений, вытекающих из исчезновений в 1974 году, которая содержалась в постановлении по четвертому межгосударственному делу и кото-

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 6 (*примеч. редактора*).

рой совершенно правильно, на их взгляд, последовала Палата при вынесении постановления по настоящему делу.

127. Заявители утверждали, что не было оснований для презюмирования без вести пропавших лиц умершими или скончавшимися в 1974 году. Ссылка на законодательство Кипра не имела значения, так как оно допускало принятие решения о презумпции смерти только в случаях, когда соответствующее заявление делают генеральный атторней или правоспособное лицо (требующее права, которые переходят к нему в случае смерти без вести пропавшего лица). Также не имела значения и практика Европейского Суда по статье 2 Конвенции, поскольку по настоящим жалобам сами заявители просили Европейский Суд презюмировать смерть, чтобы поддержать заявления о нарушении материальных положений Конвенции.

c. Власти Кипра

128. Власти Кипра утверждали, что настоящие жалобы не касались ответственности Турции за действия и бездействие, произошедшие в то время, когда Турция еще не признала Конвенцию. Турция присоединилась к Конвенции в 1954 году и время от времени могла быть участницей процессов, инициированных другими Договаривающимися Государствами. Дела, на которые сослались власти Турции, например, дело «Блешич против Хорватии», не помогали разрешению настоящего дела, так как данные нарушения произошли до того, как государство-ответчик ратифицировало Конвенцию, в то время как рассматриваемые жалобы касались длящихся нарушений, произошедших спустя более чем 50 лет после того, как Турция оказалась связана материальными положениями Конвенции. Настоящие требования были основаны также на фактах, касающихся поведения Турции после 28 января 1987 г., а именно отсутствии расследования исчезновений. Подобное отсутствие расследования не являлось аспектом какого-либо неправомерного убийства или содержания под стражей либо следствием нарушения статьи 2 или статьи 5 Конвенции, а рассматривалось отдельно. Таким образом, возражение *ratione temporis* было неправильно воспринято.

129. Власти Кипра отклонили довод о том, что без вести пропавшие лица должны презюмироваться умершими. Такая презумпция могла быть сделана лишь по просьбе заявителей и в любом случае не прекращала обязательство провести расследование, которое не ограничено вопросом о том, было ли лицо умершим, но охватывало также и обстоятельства, при которых оно умерло, и в случае неправомерного убийства установление и преследование преступника.

3. Мнение Европейского Суда

a. Общие принципы

130. Бесспорно, в соответствии с общими правилами международного права (см., в частности, статью 28 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.) положения Конвенции не связывают Договаривающуюся Сторону в отношении актов и фактов, которые произошли, или ситуации, которая прекратилась до вступления в силу Конвенции в отношении этой Стороны (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Блешич против Хорватии», § 70, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (Šilih v. Slovenia), жалоба № 71463/01, § 140, *ECHR* 2009-…). Кроме того, когда заявитель инициирует производство с целью получить компенсацию за деяние, бездействие или решение, якобы нарушающие Конвенцию и произошедшие или продолжающиеся после вступления Конвенции в силу, этот процесс не может рассматриваться как часть фактов, составляющих предполагаемое нарушение, и не распространяет на данное дело временную юрисдикцию Европейского Суда (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Блешич против Хорватии», §§ 77–79).

131. Поэтому для того, чтобы установить временную юрисдикцию Европейского Суда, важно выяснить в каждом отдельном случае точное время предполагаемого вмешательства. При этом Европейский Суд должен принять во внимание и факты, обжалуемые заявителем, и объем якобы нарушенного конвенционного права (там же, § 72).

b. Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

132. Турция ратифицировала Конвенцию 18 мая 1954 г.; она признала право на подачу индивидуального заявления 28 января 1987 г., а обязательную юрисдикцию Европейского Суда – 22 января 1990 года. Протокол № 11 к Конвенции, в соответствии с которым был создан новый Европейский Суд, вступил в силу 11 января 1998 г.

133. Соответственно, Турция была связана положениями Конвенции начиная с 18 мая 1954 г. Однако признание Турцией права на подачу индивидуального заявления было ограничено фактами, произошедшими после принятия декларации об этом 28 января 1987 г. Когда старый Европейский Суд прекратил свою деятельность в 1998 году, юрисдикция Европейского Суда стала обязательной и вытекала из факта признания Договаривающимся Государством права на подачу индивидуального заявления. Следовательно, Европейский Суд некомпетентен рассматривать какие-либо жало-

бы на предполагаемые нарушения, поданные против Турции на основании фактов, произошедших до 28 января 1987 г. (см. Постановление Европейского Суда по делу «Джанкочак против Турции» (Cankoçak v. Turkey) от 20 февраля 2001 г., жалобы №№ 25182/94 и 26956/95, § 26, и Постановление Европейского Суда по делу «Демадес против Турции» (справедливая компенсация) (Demades v. Turkey) (*just satisfaction*) от 22 апреля 2008 г., жалоба № 16219/90, § 21).

134. На этом основании любые жалобы заявителей, направленные на привлечение Договаривающегося Государства к ответственности за события, произошедшие в 1974 году, находятся вне темпоральной юрисдикции Европейского Суда. В той мере, в которой жалобы касаются действий или бездействия Договаривающегося Государства в период после 28 января 1987 г., Европейский Суд должен принять их во внимание. Европейский Суд отметил в этой связи, что заявители уточнили, что их требования относились только к ситуации, продолжающейся после января 1987 года, а именно к длящемуся замалчиванию информации о судьбе и местонахождении пропавших без вести лиц и отсутствию эффективного расследования.

135. Европейский Суд отметил, что власти Турции привели два основных аргумента против утверждений заявителей о том, что процессуальное обязательство могло существовать после ключевой даты. Первый аргумент касался природы процессуального обязательства, предусмотренного статьей 2 Конвенции, а второй аргумент основан на презумпции, что пропавшие без вести лица в действительности погибли примерно в 1974 году. Европейский Суд также рассмотрел характер и объем процессуального обязательства расследовать исчезновения, в частности.

i. Временная юрисдикция и процессуальное обязательство, предусмотренное статьей 2 Конвенции

α. Процедуры, связанные с фактами, не подпадающими под временную юрисдикцию

136. Власти Турции утверждали, ссылаясь на Постановление Европейского Суда по делу «Блешич против Хорватии», что жалобы, касающиеся таких расследований или их отсутствия, не соответствовали принципу, что процедуры, направленные на исправление последствий нарушений, не влияют на отсутствие временной юрисдикции в отношении фактов, произошедших ранее. Однако этот аргумент отпадает, так как процессуальное обязательство провести расследование, предусмотренное статьей 2 Конвенции, не является процедурой исправления нарушения по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции. Отсутствие эффективного расследования само лежит в основе предполагаемого нарушения. Оно имеет свою собственную сферу применения, которая может функционировать независимо от материальной составляющей статьи 2 Конвенции, касающейся ответственности государства за неправомерное причинение смерти или угрожающее жизни исчезновение, что демонстрируют многочисленные дела, рассмотренные Европейским Судом, в которых процессуальное нарушение было установлено, несмотря на отсутствие выводов о том, что представители государства были ответственны за применение силы, приведшее к смерти (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу «Финукейн против Соединенного Королевства» (Finucane v. United Kingdom), жалоба № 29178/95, *ECHR* 2003-VIII). В действительности процессуальное обязательство обеспечить проведение в любой форме эффективного официального расследования возникает в случаях, когда физические лица пропали без вести при обстоятельствах, угрожавших их жизни, и не ограничивается делами, в которых очевидно, что исчезновение стало результатом действий представителя государства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Османоглу против Турции» (Osmanoğlu v. Turkey) от 24 января 2008 г., жалоба № 48804/99, § 87).

137. По этим причинам ссылка властей Турции на мотивировку Европейского Суда в Постановлении Европейского Суда по делу «Блешич против Хорватии», касавшуюся процедур получения компенсации, ошибочна.

β. Ссылка на ранее вынесенные Европейским Судом решения об отклонении жалоб ввиду их несоответствия ratione temporis

138. По поводу ссылки властей Турции на такие дела, как «Молдован и другие против Румынии» и «Холодов и Холодова против Российской Федерации» (см. выше § 123), Европейский Суд отметил, что они касались не исчезновений, а убийств. В вынесенном ранее Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», упомянутом выше, была пересмотрена судебная практика по вопросу о том, могло ли быть установлено процессуальное нарушение в случае, когда смерть произошла до даты признания права на подачу индивидуального заявления, а предполагаемые недостатки или упущения в следственных мероприятиях произошли после этого (§§ 148–152). В постановлении Большой Палаты детально излагались международно-правовые материалы, в частности, практика Межамериканского Суда по правам человека и Комитета ООН по правам человека, показывавшая, что эти органы признавали юрисдикцию *ratione temporis* в отношении процессуальных жалоб, касавшихся расследования смертей, даже в случаях, когда причинившие смерть акты были совершены до ключевой даты

(см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», §§ 111–118, 160). Далее Большая Палата прояснила, что процессуальное обязательство провести расследование по фактам смерти, предусмотренное статьей 2 Конвенции, эволюционировало в судебной практике самого Европейского Суда в отдельную и автономную обязанность, его можно признать «отделяемым обязательством», которое может связать государство даже в случае, когда смерть произошла до вступления Конвенции в силу (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», §§ 153–163).

139. Прецеденты, на которые ссылались власти Турции, поэтому не могут каким-либо образом помочь при рассмотрении убийств. Также они не оказывают никакого влияния на такое явление, как исчезновения, длящийся характер которого имеет последствия для юрисдикции Европейского Суда *ratione temporis*, рассмотренные ниже.

γ. Предполагаемое ретроспективное применение процессуального обязательства

140. По поводу довода властей Турции о том, что процессуальное обязательство, предусмотренное статьей 2 Конвенции, не могло применяться во время признания ими права на подачу индивидуального заявления, так как оно было разработано в судебной практике Европейского Суда позднее, Европейский Суд хотел бы отметить, что ссылки на цитаты из Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии» и из Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Корбей против Венгрии» относились соответственно к тому, существовало ли право в законодательстве государства-ответчика в рассматриваемое время для целей статьи 6 Конвенции, и к принципам, изложенным в статье 7 Конвенции, против применения уголовных наказаний с обратной силой. Ни один из этих случаев не имел никакого значения для толкования самим Европейским Судом содержания обязательств, связывающих Договаривающиеся Государства в соответствии с Конвенцией, и такое толкование не может быть приравнено к ретроспективному привлечению к ответственности. Европейский Суд хотел бы заметить, что судебная практика является средством разъяснения ранее существовавших текстов, к которым принцип запрета обратной силы применяется не таким же образом, как к вновь принятым законодательным актам.

ii. Презумпция смерти

141. Власти Турции утверждали, что без вести пропавшие лица должны презюмироваться умершими задолго до того, как в 1987 году начала действовать темпоральная юрисдикция. Поэтому не было никакого «исчезновения», которое следовало расследовать после этой даты.

142. На внутригосударственном уровне, как подчеркивали заявители и власти Кипра, обычным делом является возможность родственников без вести пропавшего лица или уполномоченного должностного лица инициировать производство об установлении презумпции смерти по истечении определенного периода (в среднем от семи до десяти лет). Эта процедура имеет целью обеспечение правовой определенности и предоставление лицам, затронутым исчезновением, возможности решить вопросы с имуществом и семейным статусом. Она выгодна для ближайших родственников и лиц, обладающих надлежащим правовым положением. Но тот факт, что в киприотской правовой системе установлен десятилетний порог для обращений родственников без вести пропавших лиц, не делает это положение применимым по аналогии в рамках производства в Европейском Суде.

143. Как подчеркивали власти Турции, в своей практике Европейский Суд неоднократно делал выводы о том, что пропавшее без вести лицо может презюмироваться умершим (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу «Льянова и Алиева против Российской Федерации» (Lyanova and Aliyeva v. Russia) от 2 октября 2008 г., жалобы №№ 12713/02 и 28440/03[1], §§ 94–95). Как правило, такой вывод делался в ответ на заявления властей государства-ответчика о том, что лицо по-прежнему живо или что его смерть от рук представителей государства не доказана. Эта презумпция смерти не имеет автоматического характера и допускается только при рассмотрении обстоятельств дела, в котором существенным элементом является период времени, прошедший с момента, когда исчезнувшее лицо видели или слышали о нем в последний раз (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Вагапова и Зубираев против Российской Федерации» (Vagapova and Zubirayev v. Russia) от 26 февраля 2009 г., жалоба № 21080/05, §§ 85–86, касавшееся установления презумпции смерти в отношении молодого мужчины, исчезнувшего при обстоятельствах, угрожавших его жизни, который отсутствовал более четырех лет).

144. Здесь Европейский Суд разграничил бы выдвижение фактической презумпции и правовые последствия, которые могут вытекать из такой презумпции. Даже если бы имелись доказательства, оправдывающие вывод о том, что девять пропавших без вести лиц погибли в ходе событий 1974 года или сразу после них, жалобы заявителей на отсутствие эффективного расследования не были бы отклонены.

[1] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 3 (*примеч. редактора*).

145. Европейский Суд хотел бы напомнить, что процессуальное обязательство провести расследование, предусмотренное статьей 2 Конвенции, в случае, когда имеет место неправомерная или подозрительная смерть, в большинстве случаев начинает действовать после обнаружения тела или факта смерти. Когда речь идет об исчезновениях при угрожающих жизни обстоятельствах, процессуальное обязательство провести расследование едва ли может прекратиться при обнаружении тела или установлении презумпции смерти, это лишь проливает свет на один аспект судьбы пропавшего без вести лица. Обязанность отчитаться за исчезновение и смерть и установить и преследовать любого преступника за совершение незаконных деяний в этой связи обычно сохраняется.

146. Поэтому Европейский Суд сделал вывод, что, даже несмотря на то, что истечение более чем 34-летнего периода без каких-либо новостей о без вести пропавших лицах может составлять серьезное доказательство того, что они умерли в данный период, это не аннулирует процессуальное обязательство провести расследование.

iii. Характер процессуального обязательства провести расследование по фактам исчезновений

147. Европейский Суд хотел бы подчеркнуть, что, как признано в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» в отношении процессуального обязательства, предусмотренного статьей 2 Конвенции, провести расследование по фактам неправомерных или подозрительных смертей, процессуальное обязательство по статье 2 Конвенции, вытекающее из факта исчезновения, действует независимо от материального обязательства. Европейский Суд отметил, что Межамериканский суд и в некоторой степени Комитет по правам человека применяют аналогичный подход к процессуальному аспекту исчезновений (см. выше §§ 93–107), рассматривая заявления об отказе в правосудии или судебной защите, даже когда исчезновение произошло до признания их юрисдикции.

148. Однако существует важное различие, которое проводится в практике Европейского Суда между обязательством провести расследование по факту подозрительной смерти и обязательством провести расследование по факту подозрительного исчезновения. Исчезновение – это отдельное явление, характеризуемое длительной ситуацией неопределенности и безотчетности, при которой отсутствует информация или даже умышленно запутывается и скрывается, что же на самом деле произошло (см. также определения исчезновения, содержащиеся в разделе, посвященном международно-правовым документам о вынужденных исчезновениях). Такая ситуация часто затягивается на долгое время, продлевая мучения родственников жертвы. Поэтому нельзя сказать, что исчезновение является просто «одномоментным» актом или событием, дополнительный характерный элемент в виде последующего необъяснения местонахождения и судьбы пропавшего без вести лица создает ситуацию длящегося нарушения. Таким образом, процессуальное обязательство потенциально действует до тех пор, пока не будут даны объяснения относительно судьбы человека, продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции», § 136). Дело обстоит таким образом даже в случаях, когда, в конечном счете, может презюмироваться смерть.

149. Может быть отмечено, что подход, примененный в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (упомянутое выше, § 163), касавшийся требования близости смерти и следственных шагов до даты вступления в силу Конвенции, применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей, когда якорный фактический элемент, лишение жизни потерпевшего, определенно известен, в отличие от точной причины и конечной ответственности. В данном контексте процессуальное обязательство не имеет длящегося характера в смысле, описанном выше.

iv. Заключение

150. Европейский Суд отклонил возражения властей Турции относительно отсутствия темпоральной юрисдикции. Тем не менее вопрос о том, действовало ли продолжающееся процессуальное обязательство провести расследование судьбы и местонахождения без вести пропавших лиц в момент подачи настоящих жалоб, еще следовало рассмотреть.

C. ПРАВИЛО ШЕСТИМЕСЯЧНОГО СРОКА (ПУНКТ 1 СТАТЬИ 35 КОНВЕНЦИИ)

1. Постановление Палаты

151. Палата сочла, что даже в случае длящихся ситуаций может наступить время, когда, учитывая цель правовой определенности, закрепленную в правиле шестимесячного срока, и соображения практического и эффективного функционирования конвенционного механизма, можно разумно ожидать, что заявитель больше не должен тянуть с подачей жалобы в Страсбург. Таким образом, от заявителей по делам об исчезновениях может потребоваться проявить разумную поспешность при подаче жалоб. Однако в случае настоящих

жалоб, поданных примерно через три года после ратификации Турцией положения о праве на подачу индивидуального заявления и примерно через три дня после признания Турцией юрисдикции старого Европейского Суда, на фоне ряда межгосударственных жалоб, результаты которых до сих пор не были опубликованы, заявители не проявили неразумного промедления при подаче своих жалоб.

2. Замечания по делу, представленные в Европейский Суд

a. Власти Турции

152. Власти Турции утверждали, что существовало необъяснимое противоречие между подходом, принятым в Решениях Европейского Суда делам «Карабардак и другие против Кипра» (Karabardak and Others v. Cyprus) и «Байбора и другие против Кипра» (Baybora and Others v. Cyprus) от 22 октября 2002 г., жалобы №№ 76575/01 и 77116/01), и содержанием Постановления Палаты по настоящему делу. В первом случае Европейский Суд признал, что период времени с момента происшествия до момента подачи жалоб заявителями, являвшимися турками-киприотами, был слишком долгим, и даже не было упомянуто очевидное длящееся нарушение. На этом основании настоящие жалобы также подлежали отклонению как поданные с нарушением установленного срока. Тот факт, что в случае с А. Варнава жалобы были поданы спустя три года после ратификации, в то время как по делам против Кипра прошло 13 лет, логически не оправдывал применение различных подходов к правилу шестимесячного срока. Кроме того, в делах «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра» заявителей, по-видимому, упрекали за то, что они не передали свои дела в СМР, хотя данное средство правовой защиты уже было признано Европейским Судом неэффективным.

153. Власти Турции сделали вывод, что, если СМР действительно было неэффективным средством правовой защиты, как утверждали заявители по настоящим жалобам, они должны были подать свои жалобы в Европейскую Комиссию самое позднее по прошествии шести месяцев после ратификации 27 января 1987 г. Власти Турции отметили, что в Решениях по делам «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра» Европейский Суд обошел вопрос о том, когда начал течь срок, установленный для подачи жалоб. Подобное различие в обращении с заявителями-киприотами турецкой и греческой национальностей по делам, касавшимся аналогичных жалоб, имеющих одинаковый исторический и географический контекст, усугубляло страдания заявителей-киприотов турецкой национальности.

b. Заявители

154. Заявители утверждали, что правило шестимесячного срока не применялось к длящимся нарушениям. Что касается дел «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра», они считали, что их следовало отличать от настоящего дела, так как, во-первых, Турция уведомила родственников пропавших без вести лиц об их исчезновении в конце сентября 1974 года, и девять человек также были включены в группу пропавших без вести лиц, перечисленных властями Кипра в рамках четырех межгосударственных дел в период с 1974 по 1994 год. Во-вторых, их жалобы были поданы 25 января 1990 г., через три дня после признания Турцией юрисдикции Европейского Суда (а жалобы турок-киприотов были поданы почти десять лет спустя), и жалобы турок-киприотов были поданы в отсутствие каких-либо попыток семей пропавших без вести исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты, имевшиеся с 1964 года в правовой системе Кипра, в то время как греки-киприоты не имели доступа к турецким средствам правовой защиты.

c. Власти Кипра

155. Власти Кипра утверждали, что со стороны заявителей не было проявлено чрезмерной медлительности при подаче настоящих жалоб, этим данные дела отличались от дел турок-киприотов, в которых заявители ничего не предпринимали более 20 лет с того момента, как МККК и полиция ООН прекратили расследование по фактам исчезновений в 1968 году, и 13 лет после того, как Кипр признал право на подачу индивидуального заявления.

3. Мнение Европейского Суда

a. Общие принципы

156. Цель шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции, состоит в том, чтобы продвигать правовую определенность, обеспечивая, чтобы дела по жалобам на нарушение Конвенции рассматривались в разумный срок и чтобы вынесенные в прошлом решения не могли быть обжалованы в течение бесконечного срока. Этот срок определяет временны́е пределы для пересмотра решений конвенционными органами, а также сигнализирует отдельным лицам и государственным органам период, по истечении которого такой пересмотр больше не возможен (см., среди прочих источников, Решение Европейского Суда по делу «Уолкер против Соединенного Королевства» (Walker v. United Kingdom), жалоба № 34979/97, *ECHR* 2000-I).

157. Как правило, шестимесячный срок начинает течь с даты вынесения окончательного решения в процессе исчерпания внутригосударственных

средств правовой защиты. Однако, когда с самого начала ясно, что заявитель не имеет эффективных средств правовой защиты, данный срок начинает течь с даты совершения актов или принятия мер, которые обжалуются, или с даты, когда заявитель узнал о таком акте или о его влиянии и вреде для заявителя (см. Решение Европейского Суда по делу «Деннис и другие против Соединенного Королевства» (Dennis and Others v. United Kingdom) от 2 июля 2002 г., жалоба № 76573/01). Также нельзя толковать пункт 1 статьи 35 Конвенции как требование от заявителя обратиться в Европейский Суд со своей жалобой до того, как его дело не будет окончательно разрешено на внутригосударственном уровне. Поэтому, когда заявитель пользуется явно существующим средством правовой защиты и только потом ему становится известно об обстоятельствах, делающих это средство правовой защиты неэффективным, для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции отсчет шестимесячного срока может начаться с даты, когда заявителю впервые стало известно или должно было стать известно об этих обстоятельствах (см. Решение Европейского Суда по делу «Эдвардс против Соединенного Королевства» (Edwards v. United Kingdom) от 4 июня 2001 г., жалоба № 46477/99).

158. Следовательно, когда произошла гибель человека, от родственников заявителей ожидается принятие мер для того, чтобы следить за ходом расследования, или отсутствие такового, и чтобы подать свои жалобы с надлежащей поспешностью сразу после того, как им стало известно или должно было стать известно об отсутствии эффективного следствия по уголовному делу (см. Решение Европейского Суда по делу «Булут и Явуз против Турции» (Bulut and Yavuz v. Turkey) от 28 мая 2002 г., жалоба № 73065/01, а также Решение Европейского Суда по делу «Байрам и Йылдырым против Турции» (Bayram and Yıldırım v. Turkey), жалоба № 38587/97, *ECHR* 2002-III). Такие же принципы применялись, *mutatis mutandis*, к делам об исчезновении (см. Решение Европейского Суда по делу «Эрен и другие против Турции» (Eren and Others v. Turkey) от 4 июля 2002 г., жалоба № 42428/98, и Решение Европейского Суда по делу «Ючак и Каргили и другие против Турции» (Üçak and Kargili and Others v. Turkey) от 28 марта 2006 г., жалобы №№ 75527/01 и 11837/02).

159. Тем не менее было сказано, что шестимесячный срок не применяется как таковой к длящимся ситуациям (см., например, Решение Европейской Комиссии по делу «Компания “Агротексим Хеллос С.А.” и другие против Греции» (Agrotexim Hellos S.A. and Others v. Greece) от 12 февраля 1991 г., жалоба № 14807/89, DR71, p. 148, и Постановление Европейского Суда по делу «Коне против Румынии» (Cone v. Romania) от 24 июня 2008 г., жалоба № 35935/02, § 22), это происходит потому, что если существует ситуация длящегося нарушения, то срок начинает течь заново каждый день, и только когда ситуация прекращается, начинает течь окончательный срок. В четвертом межгосударственном деле, в котором предполагалось, что аналогичный подход применялся к длящейся практике (в данном деле это было продолжавшееся несоблюдение обязанности провести расследование по фактам исчезновения), Европейский Суд отметил, что решение вопроса о соблюдении правила шестимесячного срока было объединено Европейской Комиссией с рассмотрением вопросов по существу, и власти обеих сторон с тех пор не подали никаких замечаний по этому вопросу (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции», §§ 103–104). Таким образом, в указанном постановлении данный вопрос так и не был прямо рассмотрен Европейским Судом. Поэтому Европейскому Суду надлежит решить его в настоящем деле.

b. Применимость темпоральных ограничений к процессуальным обязательствам, предусмотренным статьей 2 Конвенции

160. Европейский Суд не может в достаточной мере подчеркнуть, что Конвенция является системой защиты прав человека и что имеют решающее значение ее толкование и применение таким образом, чтобы эти права были практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными. Это касается не только толкования материальных положений Конвенции, но и процессуальных норм и влияет на обязательства, налагаемые на государства-ответчики, а также на положение заявителей. Например, хотя для эффективности этой системы существенно, чтобы Договаривающиеся Государства соблюдали свое обязательство не препятствовать заявителю в осуществлении права на подачу индивидуального заявления, частные лица, тем не менее, несут ответственность за содействие в проведении процедур, вытекающих из подачи их жалоб, помогая прояснить фактические вопросы, когда они обладают соответствующими знаниями, и поддерживая жалобы, поданные от их имени (см. Решение Европейской Комиссии по делу «Капан против Турции» (Kapan v. Turkey) от 13 января 1997 г., жалоба № 22057/93, DR88-B, p. 17). На том же основании, когда срок существенен для решения вопросов по делу, на заявителе лежит бремя обеспечить, чтобы его требования были поданы в Европейский Суд с необходимой поспешностью, чтобы обеспечить их надлежащее и справедливое рассмотрение.

161. В этом контексте Европейский Суд хотел бы подтвердить подход, принятый Палатой при рассмотрении настоящих жалоб. Не все длящиеся ситуации одинаковы, характер ситуации может быть таков, что прошедшее время влияет на то, что

стоит на кону. В случае с исчезновениями, так же как императивом является начало компетентными государственными органами расследования и принятие мер сразу же, как только лицо пропадает при угрожающих жизни обстоятельствах, необходимо, и чтобы заявители, являющиеся родственниками пропавших без вести лиц, не затягивали ненадлежащим образом с подачей жалобы на неэффективность или отсутствие такого расследования в Европейский Суд. По прошествии времени воспоминания свидетелей блекнут, свидетели могут умереть или их становится невозможно найти, доказательства ухудшаются или исчезают, и шансы на то, что расследование может быть проведено эффективно, постоянно уменьшаются, и рассмотрение дела и вынесение постановления Европейским Судом могут быть лишены смысла и эффективности. Соответственно, когда речь идет об исчезновениях, заявители не могут бесконечно ждать, прежде чем пойти в Страсбург. Они должны проявить определенную степень усердности и инициативности и подать свои жалобы без ненадлежащего промедления. Что сюда включается, рассматривается ниже.

c. Ненадлежащее промедление по делам об исчезновениях

162. Европейский Суд, во-первых, хотел бы отметить, что необходимо проводить различие с делами, касающимися неправомерной или насильственной смерти. В этих делах обычно известен точный момент времени, когда наступила смерть, и некоторые основные факты общедоступны. Отсутствие движения по делу или неэффективность расследования обычно более очевидны. Соответственно, требование действовать без промедления может налагать на заявителя обязанность обратиться со своим делом в Страсбург в течение нескольких месяцев или самое позднее в зависимости от обстоятельств в течение ближайших после происшествия нескольких лет. По делам об исчезновениях, в которых существует состояние неизвестности и неопределенности и по определению несообщение о том, что произошло, или неумышленное сокрытие или создание препятствий со стороны некоторых органов, тогда ситуация менее ясная. Родственникам пропавшего без вести лица сложнее оценить, что же произошло или чего можно ожидать. Следует делать скидку на неопределенность и неразбериху, часто следующие за исчезновением.

163. Во-вторых, Европейский Суд обратил внимание на международные документы по проблеме насильственных исчезновений. Международная Конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений[1] предусматривает, что срок давности в уголовном производстве по делам об исчезновениях должен быть продолжительным и соразмерным чрезвычайной серьезности этого преступления, а Римский статут Международного уголовного суда запрещает принятие любых законов о сроках давности уголовного преследования за совершение международных преступлений против человечности, в том числе насильственных исчезновений. Поэтому, учитывая консенсус относительно возможности преследования преступников, совершивших такие преступления, даже спустя много лет с момента происшествия, Европейский Суд счел, что тяжесть исчезновения настолько серьезна, что стандарт поспешности, установленный для родственников, не может быть слишком строгим в контексте защиты, предоставляемой Конвенцией.

164. В-третьих, в соответствии с принципом субсидиарности лучше всего расследовать все обстоятельства дел и решать все вопросы, насколько это возможно, на внутригосударственном уровне. Интересам заявителя и эффективности конвенционной системы соответствует принятие органами государств – участников Конвенции, находящимися в наилучшем для этого положении, мер по исправлению любых предполагаемых нарушений Конвенции.

165. Тем не менее Европейский Суд счел, что жалобы могут быть отклонены как поданные по истечении установленного срока по делам об исчезновениях в случаях, когда со стороны заявителей имелось чрезмерное и необъяснимое промедление после того, как они узнали или должны были узнать о том, что расследование не было возбуждено или что расследование свелось к бездействию или стало неэффективным, и при любом из этих вариантов развития событий отсутствовали реалистичные шансы на проведение в будущем эффективного расследования. Когда в отношении исчезновения предпринимаются какие-то действия, заявители могут разумно ожидать изменений, которые могут решить важнейшие фактические и правовые вопросы. Действительно, пока существует осмысленный контакт между семьями и государственными органами в отношении жалоб и запросов о предоставлении информации или имеются какие-либо признаки, или реалистичная возможность прогресса в принятии следственных мер, обычно не стоит вопрос о ненадлежащем промедлении. Однако, когда прошло значительное время, в течение которого наблюдались существенные периоды задержек и пассивности в следственной деятельности, наступает момент, когда родственники должны осознать, что эффективное расследование не было и не будет проведено. Наступление такого момента неизбежно зависит от обстоятельств конкретного дела.

166. В сложной ситуации исчезновения вроде настоящей, которая явилась следствием междуна-

[1] Принята резолюцией 61/177 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2006 г. (*примеч. переводчика*).

родного конфликта, когда утверждается, что полностью отсутствует какое-либо расследование или осмысленный контакт с государственными органами, можно ожидать, что родственники обратятся со своим делом, само большее, в течение нескольких лет после инцидента. Если проводится какое-либо расследование, даже имеющее спорадический характер и сопровождающееся проблемами, родственники разумно могут ждать несколько лет, прежде чем исчезнет порожденная расследованием надежда на какие-то результаты. Когда прошло более десяти лет, заявители обычно должны убедительно показать, что имеется какой-нибудь конкретный прогресс, оправдывающий дальнейшее промедление с обращением в Страсбург. Более строгий стандарт ожидания применяется в случаях, когда заявители имеют непосредственный доступ на национальном уровне к следственным органам.

d. Применение указанных принципов в настоящем деле

167. Заявители по настоящему делу подали свои жалобы 25 января 1990 г., то есть спустя примерно 15 лет с того момента, как их родственники пропали без вести в 1974 году. Европейский Суд отметил, что информация об исчезновениях была доведена до сведения властей Турции примерно в 1974 году властями Кипра и Международным Комитетом Красного Креста. Власти Кипра также подали начиная с 1974 года ряд жалоб, касающихся соответствующих событий, в том числе на проблему без вести пропавших лиц, в Европейскую Комиссию по правам человека в г. Страсбурге. В течение 1980 года по данным вопросам велось разбирательство. Однако лишь четвертое межгосударственное дело, поданное еще в 1994 году, дошло до Европейского Суда после того, как Турция признала юрисдикцию Европейского Суда; предыдущие три жалобы, находившиеся на рассмотрении Европейской Комиссии, завершились докладами, ушедшими в Комитет министров Совета Европы, ни один из которых не был опубликован до 1992 года, то есть в течение многих лет с момента их принятия (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (Cyprus v. Turkey), § 17).

168. Ситуация на Кипре после конфликта регулировалась Организацией Объединенных Наций, которая осуществляла контроль за буферной зоной между двумя противоборствующими сторонами. С самого начала также предпринимались шаги для того, чтобы создать механизм решения проблемы исчезновений, результатом которых стало учреждение в 1981 году Комитета ООН по розыску лиц, пропавших без вести (СМР). Европейский Суд отметил, что функционирование СМР с самого начала было затруднено разногласиями сторон, отсутствием сотрудничества и созданием препятствий. Однако информация о ходе работы СМР имела ограниченный характера из-за строгой конфиденциальности его процедур. Очевидно, что реальная работа над делами началась в 1984 году, и в последующие годы проводились конкретные следственные мероприятия. В апреле 1990 года СМР издал пространный пресс-релиз, освещающий основные трудности с допросами свидетелей, поиском тел и получением разрешений на эксгумации. Вслед за этим Генеральный секретарь ООН приложил очередные усилия для того, чтобы оживить работу СМР. И лишь с 2006 года СМР, наконец, начал проводить эксгумации и разыскивать и опознавать останки.

169. На этом фоне встает вопрос о том, на каком этапе заявители должны были обатиться в Страсбург. Это было невозможно до 1987 года. Власти Турции утверждали, что заявителям следовало подать свои жалобы в течение шести месяцев с даты признания Турцией права на подачу индивидуальных заявлений 28 января 1987 г., на их взгляд, 25 января 1990 г. для подачи жалоб было слишком поздно.

170. Европейский Суд счел, что заявители, входившие в большую группу лиц, затронутых исчезновениями, могли в исключительной ситуации международного конфликта, при которой не функционировали нормальные механизмы расследования, разумно ожидать результатов принятия мер, принятых властями Кипра и ООН. Эти процедуры могли завершиться принятием мер по расследованию известных мест массового захоронения и обеспечивали основание для принятия дальнейших мер. Тем не менее Европейский Суд был убежден в том, что к концу 1990 года должно было стать очевидным, что проблематичный, необязательный и конфиденциальный характер этих процедур больше не поддерживал никаких реалистичных надежд на прогресс в деле обнаружения тел или информировании о судьбе их родственников в ближайшем будущем. Соответственно, обратившись в Европейский Суд в январе 1990 года, эти заявители действовали, учитывая особые обстоятельства их дел, с разумной поспешностью для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции.

171. Делая такой вывод, Европейский Суд внимательно изучил замечания властей Турции относительно жалоб, поданных семьями турок-киприотов, пропавших без вести во время межобщинных столкновений в 1960 году (см. упомянутые выше Решение Европейского Суда по делу «Карабардак и другие против Кипра» и Решение Европейского Суда по делу «Байбора и другие против Кипра»). Европейский Суд особое внимание посвятил любым признакам того, что отличные или непоследовательные подходы были приняты в этих делах. Тем не менее он не убежден в том, что это так. Решения Палаты по вышеупомянутым делам

очень лаконичны, и в отсутствие доводов сторон в них нет поясняющей мотивировки. Однако вывод о том, что жалобы были поданы по истечении установленного срока, соответствует принципам и прецедентной практике, описанным выше. Не оспаривается, что родственники заявителей пропали без вести или были убиты в 1964 году, что в последующие годы не были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты и не проводились другие значимые процедуры, и что дело, в конечном счете, было передано в СМР в 1989 году. Вместе с тем в соответствии с вышеприведенным подходом Европейского Суда необходимо, чтобы к концу 1990 года было очевидно, что от этого органа реалистично нельзя ожидать положительных результатов в ближайшем будущем. Поэтому, прождав до 2001 года, то есть еще 11 лет, в течение которых не произошло каких-либо событий, способных приостановить истечение срока, заявители по тем делам недопустимо промедлили при подаче своих жалоб в Европейский Суд.

172. Европейский Суд отклоняет предварительное возражение, описанное в данном разделе.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

173. Статья 2 Конвенции гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

a) для защиты любого лица от противоправного насилия;

b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;

c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ

174. Палата не нашла причин для того, чтобы отклониться от вывода Большой Палаты по четвертому межгосударственному делу, и признала, что девять заявителей пропали без вести при одних и тех же угрожавших их жизни обстоятельствах, и хотя, вероятно, не существовало доказательств, подтверждающих, что все девять человек в последний раз видели в заключении в руках представителей государства-ответчика, в соответствии со статьей 2 Конвенции существовало обязательство по принятию надлежащих мер по защите жизней раненых, военнопленных и мирного населения в зонах международных конфликтов, и оно распространялось на обеспечение эффективного расследования в отношении лиц, которые пропали без вести при таких обстоятельствах. Эффективное расследование не было обеспечено ни с помощью СМР, ни иным образом.

B. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДЕЛУ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. Заявители

175. Заявители утверждали, что Палата правильно применила выводы, сделанные по четвертому межгосударственному делу, при рассмотрении их жалоб. На властях государства-ответчика лежит обязательство провести быстрое, независимое, эффективное и тщательное расследование с целью установления судьбы пропавших без вести лиц, которые исчезли при угрожавших их жизни обстоятельствах во время проведения военных операций, в ходе которых их видели в последний раз и которые были начаты государством-ответчиком. Они не считали, что какие-либо последние изменения в отношении СМР имели значение, так как эксгумации не касались их родственников, за исключением одного совсем недавнего случая, и до сих пор у СМР отсутствовала возможность проведения эффективных расследований обстоятельств смерти и исчезновения. Что касается обнаружения останков Савваса Хаджипантели (жалоба № 16071/90), заявители настаивали на своих доводах о том, что нарушение Конвенции имело место.

2. Власти Турции

176. Власти Турции утверждали, что не было установлено, что заявителей содержали под стражей турецкие государственные органы, вследствие чего не стоял вопрос об ответственности по статье 2 Конвенции. Они утверждали, что межгосударственные жалобы следовало отличать от индивидуальных жалоб, так как они основаны на разных положениях Конвенции. В последнем случае понятие статуса жертвы было существенным, в то время как в первом случае жалующемуся государству не требовалось устанавливать наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела. Власти Турции считали, что Палата не использовала критерий доказывания, применяющийся по индивидуальным жалобам, а именно представление доказательств «вне разумных сомнений», а вместо этого ошибочно сослалась на выводы, сделанные по межгосударственному делу. Европейская Комиссия в своем решении по вопросу приемлемости настоящих жалоб для рассмотрения по существу выразила сомнения относительно того, что к первым заявителям применимы

были выводы, сделанные по межгосударственному делу.

177. Даже если бы статья 2 Конвенции была применима, власти Турции не считали, что они не соблюли требования этой статьи. Они подчеркнули, что СМР значительно эволюционировал с момента принятия решения по межгосударственному делу. Власти Турции подчеркнули важность проекта эксгумации и возвращения родственникам останков пропавших лиц, который давал конкретные результаты, с финансовой и практической помощью обеих сторон, международных неправительственных организаций и международного сообщества. Они подчеркнули, что, учитывая ссылку Палаты на международный характер конфликта, имеющий значение для природы обязательств, вытекающих из статьи 2 Конвенции, было логично рассматривать лишь СМР как надлежащее средство правовой защиты в подобном историческом и политическом контексте. Не следует забывать, на взгляд властей Турции, что турки-киприоты пропадали без вести уже в 1963 году, и международное сообщество рассматривало СМР как адекватный ответ на сложную, деликатную и болезненную ситуацию. У СМР имеется преимущество, что он может на равной основе общаться с семьями на обеих сторонах.

3. Власти Кипра

178. Власти Кипра утверждали, что критерий доказывания в межгосударственном деле был таким же, как и по индивидуальным жалобам, и казался иным лишь из-за контекста. Заявители представили достаточные доказательства того, что без вести пропавших лиц видели на территории, которая в рассматриваемое время или сразу после этого фактически контролировалась вторгшимися турецкими войсками или подконтрольными им силами. Во время вооруженного конфликта международного характера это означало, что эти люди находились в угрожавшей их жизни ситуации, и государство, контролировавшее данные силы, обязано установить, что с ними произошло. Такая же ответственность возлагается на государство и в соответствии с международным гуманитарным правом, которое может быть использовано для уточнения объема существующих конвенционных обязательств. Учитывая, что эти мужчины не вернулись к своим близким, они были либо ранены, либо больны, либо мертвы, либо взяты в плен. Власти Турции были обязаны разыскать их, оказать им медицинскую помощь, если они больны, или, если они мертвы, похоронить их, и во всех случаях предоставить информацию об их судьбе.

179. Хотя власти Кипра приветствовали любое улучшение в функционировании СМР, ограничения его компетенции, мандата и властных полномочий не изменились и, в частности, исключение из его юрисдикции возможности делать выводы о причине смерти и привлечении к ответственности, ограничение территориальной юрисдикции территорией Кипра с исключением территории Турции, обещания оставить без наказания лиц, которые могли быть ответственными, и сомнения в том, будет ли он проводить расследования в отношении турецких вооруженных сил или официальных действий на кипрской территории.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

180. Европейский Суд отмечает, что в четвертом межгосударственном деле Большая Палата вынуждена была рассмотреть вопрос пропавших без вести греков-киприотов в целом. Она установила следующее:

> «132. Европейский Суд напомнил, что отсутствуют доказательства того, что кто-либо из без вести пропавших лиц был незаконно убит. Однако, на его взгляд, и это имеет значение для настоящего дела, вышеупомянутое процессуальное обязательство также возникает в случае, если имеются доказательства наличия допустимого требования, что лицо, которое в последний раз видели в заключении у представителей государства, впоследствии исчезло при обстоятельствах, которые могут быть признаны угрожающими жизни.
>
> 133. На этом фоне Европейский Суд заметил, что доказательства подтверждают требование жалующегося государства о том, что многие лица, которые числятся в настоящее время без вести пропавшими, были задержаны либо турецкими, либо турецко-киприотскими силами. Они были задержаны в то время, когда проведение военных операций сопровождалось массовыми арестами и убийствами. Европейская Комиссия правильно описала ситуацию как угрожавшую жизни. Вышеуказанные транслировавшееся обращение Р. Денкташа (Denktaş) и последний отчет профессора Кючюка (Küçük), если и не предрешают окончательно вопрос об ответственности государства-ответчика за смерть без вести пропавших лиц, являются, самое меньшее, ясными признаками атмосферы риска и страха, существовавшей в рассматриваемое время, а также реальных опасностей, которым подвергались задержанные».

1. Бремя доказывания

181. Европейский Суд отметил, что процессуальное обязательство было признано возникающим в случае, когда частные лица, которых в последний раз видели в заключении под контролем представителей государства, впоследствии пропали без вести при угрожающих их жизни обстоятельствах. В контексте межгосударственного дела отсутствовала необходимость уточнять, какие именно частные лица включались в группу «многих лиц», которых, согласно представленным доказательствам, задержали турецкие или турецко-киприотские силы в момент их исчезновения. Не было основания, на котором можно было бы предполо-

жить, что пропавшие без вести лица из настоящего дела были охвачены выводами Европейского Суда. Поэтому необходимо установить в настоящем деле, имелись ли условия для возникновения процессуального обязательства.

182. В ответ на аргумент властей Турции о бремени доказывания Европейский Суд хотел бы согласиться с тем, что стандарт доказывания, обычно применяемый при рассмотрении индивидуальных жалоб, представляет собой доказывание вне разумных сомнений, хотя то же самое относится и к межгосударственным делам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., pp. 64–65, § 161, Series A, № 25). Бремя доказывания может быть легче удовлетворить практически в контексте межгосударственного спора, когда могут быть приняты во внимание обстоятельства многих инцидентов и многочисленные события. Но даже в случае рассмотрения индивидуальных жалоб судебная практика Европейского Суда выделила ситуации, при которых это строгое правило может быть смягчено.

183. Такое доказывание может быть результатом существования достаточно веских, четких и согласованных умозаключений или такого же характера неопровержимых фактических презумпций (*loc. cit.*). Таким образом, когда рассматриваемые события известны всецело или большей частью государственным органам, как в случае с содержанием ими людей под стражей, можно сделать веские фактические презумпции в отношении вреда здоровью, смерти или исчезновений, произошедших во время данного заключения. В таком случае бремя доказывания ложится на государственные органы, которые должны предоставить удовлетворительные и убедительные разъяснения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (Salman v. Turkey), жалоба № 21896/93, § 100, *ECHR* 2000-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «Акдениз и другие против Турции» (Akdeniz and Others v. Turkey) от 31 мая 2000 г., жалоба № 23954/94, §§ 85–89), см. также дела, не связанные с заключением, в которых можно установить, что частное лицо пришло в учреждение, контролируемое этими государственными органами, и с тех пор его не видели: при таких обстоятельствах на властях лежит обязанность дать достоверное объяснение тому, что произошло в здании, и доказать, что данное лицо не было взято под стражу государственными органами, а покинуло здание и не было впоследствии лишено свободы (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Таныш и другие против Турции» (Tanış and Others v. Turkey), жалоба № 65899/01, § 160, *ECHR* 2005-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Юсупова и Заурбеков против Российской Федерации» (Yusupova and Zaurbekov v. Russia) от 9 октября 2008 г., жалоба № 22057/02[1], §§ 50–55).

184. Логически развивая данный подход, можно сделать вывод, что в ситуации, когда лица найдены травмированными или мертвыми или пропали без вести на территории, полностью контролируемой государственными органами, и имеются *prima facie* доказательства того, что государство может быть к этому причастно, бремя доказывания может быть возложено на государство-ответчика, так как рассматриваемые события могут быть известны всецело или большей частью государственным органам. Если после этого власти не раскрывают имеющие существенное значение документы, которые могут позволить Европейскому Суду установить факты или предоставить иным образом удовлетворительные и убедительные разъяснения, могут быть сделаны веские умозаключения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аккум против Турции» (Akkum v. Turkey), жалоба № 21894/93, § 211, *ECHR* 2005-II (извлечения), и среди множества дел, касающихся ситуации в Чеченской Республике, Постановление Европейского Суда по делу «Гойгова против Российской Федерации» (Goygova v. Russia) от 4 октября 2007 г., жалоба № 74240/01[2], §§ 88–96, и Постановление Европейского Суда по делу «Магомед Мусаев и другие против Российской Федерации» (Magomed Musayev and Others v. Russia) от 23 октября 2008 г., жалоба № 8979/02, §§ 85–86).

185. Обращаясь к настоящему делу, Европейский Суд хотел бы отметить, что власти Турции не признали, что пропавшие без вести лица были заключены под стражу под их ответственность. Не Европейскому Суду пытаться установить, что произошло в 1974 году, да это находится и вне его темпоральной юрисдикции. Однако Европейский Суд счел, что имеется весьма убедительная позиция, что двоих мужчин в последний раз видели при обстоятельствах, попадающих в сферу контроля турецких или турецко-киприотских сил, а именно Элефтериос Тома и Саввас Хаджипантели, имена которых были включены в подготовленный МККК список заключенных (см. выше §§ 77 и 80). Что касается остальных семерых мужчин, то не было представлено аналогичных документально подтвержденных доказательств того, что они в действительности находились в заключении. Однако имеется оспоримая позиция, что остальных семерых мужчин видели в последний раз на территории, контролировавшейся или вскоре перешедшей под контроль турецких вооруженных сил. Умерли ли они

[1] См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (*примеч. редактора*).

[2] См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 4 (*примеч. редактора*).

в борьбе или от полученных ранений, были ли они взяты в плен, об их судьбе необходимо отчитаться. Статья 2 Конвенции должна толковаться, насколько это возможно, в свете общих принципов международного права, в том числе правил международного гуманитарного права, которые играют необходимую и общепризнанную роль в деле смягчения жестокости и бесчеловечности, свойственных вооруженному конфликту[1] (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции», § 43). Поэтому Европейский Суд согласился с мотивировкой Палаты, которая признала, что в зоне международного конфликта Договаривающиеся Государства обязаны защищать жизни тех людей, которые не участвуют в боевых действиях или сложили оружие. Это также распространяется на предоставление медицинской помощи раненым, когда лица, принимавшие участие в боевых действиях, погибли или скончались от ран, требуется надлежащим образом похоронить их тела, а государственные органы должны собрать и передать по назначению информацию о личности и судьбе соответствующих лиц либо позволить сделать это организациям вроде МККК.

186. В настоящем деле власти Турции не представили каких-либо материалов или конкретной информации, доказывающей, что кто-либо из пропавших без вести лиц был найден мертвым в контролируемой ими зоне конфликта. Также не было представлено убедительных разъяснений относительно того, что могло бы случиться с ними, которые могли бы опровергнуть версию заявителей о том, что мужчины пропали без вести на территориях, контролировавшейся исключительно силами Турции. В свете выводов по четвертому межгосударственному делу, которые не были оспорены, эти исчезновения произошли при угрожавших жизни обстоятельствах, когда проведение военной операции сопровождалось массовыми задержаниями и убийствами. Поэтому статья 2 Конвенции в настоящем деле налагает на власти государства-ответчика длящееся обязательство отчитаться о местонахождении и судьбе пропавших без вести лиц, если это оправдано, после этого могут быть эффективно приняты меры компенсационного характера.

[1] См. Первую Женевскую Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (впервые принятую в 1864 г., пересмотрена в 1949 г.), Вторую Женевскую Конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (впервые принятую в 1949 г.), Третью Женевскую Конвенцию об обращении с военнопленными (впервые принятую в 1929 г., пересмотрена в 1949 г.) и Четвертую Женевскую Конвенцию о защите гражданского населения во время войны (впервые принятую в 1949 г.), а также три Дополнительных протокола к ним: Протокол I (1977 г.), Протокол II (1977 г.) и Протокол III (2005 г.).

2. Соблюдение процессуального обязательства

187. Европейский Суд напомнил, что в четвертом межгосударственном деле Большая Палата отметила следующее:

> «134. …Европейский Суд мог лишь отметить, что власти государства-ответчика никогда не проводили расследований по заявлениям родственников без вести пропавших лиц о том, что последние исчезли после того, как их задержали при обстоятельствах, при которых имелось реальное основание для страха за свое благополучие. Следует отметить в этой связи, что не было никакой официальной реакции на предостерегающее сообщение Р. Денкташа. Не было предпринято попыток для того, чтобы установить имена лиц, которые по сообщениям были освобождены из турецкого заключения и переданы в руки представителей турецко-киприотских военизированных формирований, либо выяснить местонахождение их могил. Судя по всему, также, не было проведено официального расследования по заявлению о том, что заключенные греки-киприоты были перевезены в Турцию.
>
> 135. Европейский Суд согласился с жалующимся государством в том, что рассматриваемое процессуальное обязательство государства-ответчика не могло быть исполнено одним лишь вкладом его в следственные мероприятия СМР. Как и Европейская Комиссия, Европейский Суд отметил, что, хотя процедуры СМР, несомненно, полезны для гуманитарных целей, для которых он был учрежден, одних их недостаточно для соблюдения стандарта эффективного расследования, требуемого статьей 2 Конвенции, особенно ввиду узких рамок расследований, проводимых этим органом (см. выше § 27).
>
> 136. Учитывая вышесказанное, Европейский Суд сделал вывод, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие непроведения органами государства-ответчика эффективного расследования, направленного на установление местонахождения и судьбы пропавших без вести греков-киприотов, которые исчезли при угрожавших их жизни обстоятельствах».

188. Власти Турции фактически предлагали Европейскому Суду пересмотреть вышеприведенные выводы о неэффективности СМР при проведении надлежащего расследования судьбы пропавших без вести лиц. Власти Турции утверждали, что следует учитывать чрезвычайно деликатный и болезненный характер отношений, вследствие которого международное сообщество сочло необходимым создать межобщинный механизм. Они также утверждали, что пределы компетенции СМР не следует рассматривать как решающий фактор, но при этом впечатляющему возобновлению его деятельности и его недавним достижениям в обнаружении и опознании останков необходимо придать первостепенное значение.

189. Европейский Суд счел, во-первых, что Большой Палате при рассмотрении четвертого межгосударственного дела было хорошо известно о предыстории и хрупкости ситуации, когда она

признавала, что процедуры СМР не отвечали стандарту расследования, требуемому статьей 2 Конвенции. Что касается второй группы доводов, Европейский Суд полностью признает важность проведения СМР эксгумаций и опознания останков и отмечает важность работы по предоставлению информации и возвращению останков родственникам (см. также решение Комитета министров выше в § 88). Но какими бы важными не были эти меры в качестве первого шага в процессе расследования, они не исчерпывают обязательство по статье 2 Конвенции.

190. Из представленных материалов в отношении Савваса Хаджипантели следует, что по правилам при опознании останков выдается медицинское заключение о смерти, в котором кратко описываются повреждения, ставшие причиной смерти (в случае данного заявителя это были различные пулевые ранения). Однако отсутствует заключение, в котором анализировались бы обстоятельства или хотя бы указывалась дата смерти. Также не было предпринято никаких следственных действий для розыска и допроса свидетелей в данном районе, которые могли бы предоставить информацию о том, как и от чьих рук погибли Саввас Хаджипантели и другие лица, тела которых были обнаружены в братской могиле вместе с его телом. Таким образом, даже несмотря на обнаружение места захоронения тел Савваса Хаджипантели и других лиц, нельзя сказать, отставив в сторону предположения и домыслы, что был пролит какой-либо свет на его судьбу.

191. Европейский Суд не сомневался, что спустя много лет после рассматриваемых событий будет очень трудно собрать свидетельские показания или установить и привлечь к ответственности предполагаемых преступников. Тем не менее практика Европейского Суда, касающаяся пределов соответствующего процессуального обязательства, недвусмысленна. Существенной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения законодательства государства – участника Конвенции, защищающего право на жизнь, и в случаях, касающихся представителей государства и государственных органов, обеспечение информирования близких о смерти лиц, произошедшей во время нахождения этих лиц под ответственностью государства. Даже когда могут возникнуть препятствия, мешающие в конкретной ситуации прогрессу расследования, быстрая реакция государственных органов жизненно важна для поддержания общественного доверия к тому, что эти органы привержены принципу верховенства права, и для предотвращения любых признаков соучастия в совершении неправомерных деяний или терпимости к ним (см. Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства» (McKerr v. United Kingdom), жалоба № 28883/95, §§ 111 и 114, *ECHR* 2001-III, и Постановление Европейского Суда по делу «Брекнелл против Соединенного Королевства» (Brecknell v. United Kingdom) от 27 ноября 2007 г., жалоба № 32457/04, § 65). Расследование, помимо того, что оно должно быть независимым, доступным для семьи потерпевшего и проведено с разумной быстротой и при этом обеспечивать достаточный элемент общественного надзора за расследованием и его результатами, также должно характеризоваться эффективностью в том смысле, что оно должно быть способно привести к определению того, была ли смерть причинена незаконно, и если да, то установить и наказать ответственных лиц (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Огур против Турции» (Oğur v. Turkey), жалоба № 21594/93, § 88, *ECHR* 1999-III, Постановление Европейского Суда по делу «Хью Джордан против Соединенного Королевства» (Hugh Jordan v. United Kingdom) от 4 мая 2001 г., жалоба № 24746/94, §§ 105–109, и Решение Европейского Суда по делу «Дугласс-Уильямс против Соединенного Королевства» (Douglas-Williams v. United Kingdom) от 8 января 2002 г., жалоба № 56413/00).

192. Европейский Суд не усматривает признаков того, что СМР превысил свои ограниченные пределы компетенции, чтобы поучаствовать в установлении фактов, касающихся смерти лиц, пропавших без вести, тела которых были опознаны, или в сборе или оценке доказательств с целью привлечь к уголовной ответственности всех лиц, виновных в неправомерном применении силы. Эти функции не взял на себя ни один другой орган. Может оказаться и так, что расследование не придет ни к каким выводам или что имеющихся доказательств будет недостаточно. Однако подобный итог не является неизбежным даже на столь позднем этапе, и власти государства-ответчика не могут быть освобождены от обязанности предпринимать требуемые шаги. В качестве примера Европейский Суд напомнил, что в контексте ситуации в Северной Ирландии власти дали возможность следственным органам (таким как Группа по пересмотру тяжких преступлений (Serious Crimes Review Team) и Группа исторических расследований (Historical Enquiry Team)) изучить материалы дел об убийствах на религиозной почве, совершенных в прошлом, и о нераскрытых убийствах, а также оценить доступность новых доказательств и реализуемость следственных мероприятий, по делам, находящимся на рассмотрении в Европейском Суде, эти меры были признаны с учетом истекшего времени адекватными при данных конкретных обстоятельствах (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Брекнелл против Соединенного Королевства», §§ 71, 75 и 79–81). Поэтому нельзя сказать, что больше ничего уже не может быть сделано.

193. Может быть и так, что обе стороны конфликта предпочитают не распространяться о репрессиях, внесудебных расправах и бойнях, имевших место, и не выявлять в своих войсках и среди своих граждан лиц, замешанных в них. Вероятно, они предпочитают «политически выверенный» подход к решению проблемы без вести пропавших лиц, а СМР с его ограниченной компетенцией был единственным решением, которое могло быть согласовано при посредничестве ООН. Это не имеет значения для применения положений Конвенции.

194. Европейский Суд приходит к выводу, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие того, что власти Турции не провели эффективное расследование, направленное на выяснение судьбы девяти человек, пропавших без вести в 1974 году.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

195. Статья 3 Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ

196. Ссылаясь на четвертое межгосударственное дело, Палата установила также и нарушение статьи 3 Конвенции вследствие бесчеловечного обращения с родственниками заявителей, заключающегося в годах молчания относительно судьбы без вести пропавших лиц.

B. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДЕЛУ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. Заявители

197. Заявители согласились с мотивировкой Палаты, подчеркнув, что вторые заявители были без новостей от своих любимых близких в течение 34 лет и ежедневно страдали от беспокойства и горя, усилившихся после недавних газетных публикаций о том, что пропавших без вести лиц использовали в качестве «морских свинок» в биохимических лабораториях турецких вооруженных сил.

2. Власти Турции

198. Власти Турции утверждали, что ни одно из без вести пропавших лиц не удерживалось насильно под стражей, в связи с чем не стоял вопрос о нарушении данной нормы.

3. Власти Кипра

199. Власти Кипра утверждали, что заявители были жертвами длящегося бесчеловечного обращения. Все они были женами или родителями без вести пропавших мужчин, в трех случаях после смерти родителя выступать заявителем по жалобе брались сестра или брат без вести пропавшего лица. Они никогда не прекращали попыток установить, что произошло, и их беспокойство усугублялось тем фактом, что имелись люди, владевшие информацией, но не раскрывавшие ее.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

200. Феномен исчезновений возлагает особое бремя на родственников пропавших без вести лиц, которых держат в неведении относительно судьбы любимых ими людей и которые страдают от беспокойства и неопределенности. Таким образом, прецедентное право Европейского Суда с самого начала признало, что положение, в которое власти ставят родственников пропавших без вести лиц, может представлять собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 3 Конвенции. Суть данного нарушения состоит не в том, что серьезно нарушаются права человека в отношении без вести пропавшего лица, а в реакции и отношении государственных органов к ситуации, доведенной до их внимания (см., среди прочих источников, Постановление Европейского Суда по делу «Орхан против Турции» (Orhan v. Turkey) от 18 июня 2002 г., жалоба № 25656/94, § 358, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Имакаева против Российской Федерации», § 164). Среди других существенных факторов можно отметить близость семейных уз, особые обстоятельства и отношения, то, в каком объеме член семьи был свидетелем соответствующих событий, участие члена семьи в попытках собрать информацию о пропавшем без вести лице (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Таныш и другие против Турции», § 219). Вывод о таком нарушении возможен не только по делам, в которых государство-ответчик ответственно за исчезновение (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Османоглу против Турции», § 96), но и в случаях, когда власти не отреагировали на запрос о предоставлении родственниками информации, или родственникам создаются препятствия, возлагая на них основное бремя по установлению фактов, вследствие чего очевидны признаки явного, длящегося и безразличного пренебрежения обязанностью отчитываться за местонахождение и судьбу пропавшего без вести лица.

201. Европейский Суд отметил, что в четвертом межгосударственном деле Большая Палата признала, что в контексте исчезновений в 1974 году, когда военная операция привела к значительным людским потерям, широкомасштабным арестам

и заключениям под стражу, а также насильственному разлучению семей, родственники пропавших без вести лиц испытывали мучения от незнания того, были ли члены их семей убиты в ходе конфликта или взяты в плен, и из-за продолжающегося разделения Кипра сталкивались с очень серьезными препятствиями при поиске информации. Молчание органов государства-ответчика перед лицом реального беспокойства родственников могло быть квалифицировано только как бесчеловечное обращение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции», § 157).

202. Европейский Суд не усматривает причин отступать от данного вывода в настоящем деле. Срок, в течение которого родственники подвергаются этому тяжелому испытанию, и безразличие официальных властей к их беспокойству, связанному с желанием установить судьбу близких родственников, представляют собой ситуацию, достигающую требуемого уровня серьезности. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

203. Статья 5 Конвенции гласит в части, относящейся к настоящему делу:

> «1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:
>
> a) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;
>
> b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;
>
> c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;
>
> d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;
>
> e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;
>
> f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.
>
> 2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.
>
> 3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “c” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.
>
> 4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.
>
> 5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ

204. Палата, цитируя четвертое межгосударственное дело, установила нарушение статьи 5 Конвенции вследствие того, что государственные органы не провели эффективное расследование с целью установления местонахождения девяти пропавших без вести человек, которые, как утверждается, были лишены свободы во время их исчезновения.

B. ЗАМЕЧАНИЯ ПО ДЕЛУ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

205. Заявители утверждали, что процессуальное обязательство начало действовать, так как всех пропавших без вести мужчин видели живыми в последний раз на территории, которая в момент их исчезновения или сразу после него перешла под контроль властей государства-ответчика. Сложилась презумпция, при которой эти лица были заключены под стражу или взяты в плен турецкими вооруженными силами или подотчетными им силами, вследствие чего власти Турции стали ответственны за судьбу этих лиц и обязаны предоставить информацию, а также провести быстрое, эффективное, независимое и тщательное расследование.

206. Власти Турции утверждали, что ни одно из пропавших без вести лиц не находилось в заключении и не содержалось под стражей, а утверждения заявителей носили чисто гипотетический характер. Ничто не предполагало, и было крайне нелогично предположить, что кто-либо из пропавших без вести греков-киприотов по-прежнему содер-

жался под стражей турецкими или турецко-киприотскими органами.

207. Власти Кипра утверждали, что имелись доказательства вне разумных сомнений, что двое из пропавших без вести мужчин, Тома и Хаджипантели, содержались под стражей в Турции. Однако турецкие органы не предоставили достоверную и убедительную версию того, что с ними произошло, не было составленных в надлежащей форме официальных архивов и системы их хранения, а также не было проведено быстрое и эффективное расследование. Эти факты свидетельствовали о многочисленных длящихся нарушениях статьи 5 Конвенции, и, на их взгляд, непризнание властями Турции факта заключения под стражу влекло нарушение статьи 5 Конвенции независимо от того, мог ли какой-либо заявитель передать этот вопрос на рассмотрение Европейского Суда.

C. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

208. Европейский Суд напомнил, что выше он установил, что имелись доказательства *prima facie*, а также утверждения, которые могли быть доказанными, что двоих из пропавших без вести мужчин видели в последний раз при обстоятельствах, указывающих на то, что они находились под контролем турецких или турецко-киприотских сил. Речь шла об Элефтериосе Тома и Саввасе Хаджипантели, включенных в список лиц, взятых под стражу, который был составлен МККК (см. выше §§ 77 и 80). С тех пор их никто не видел. Однако власти Турции не признали факт заключения их под стражу, они не представили каких-либо документальных доказательств, описывающих официально их перемещения. Европейский Суд отметил явное пренебрежение процессуальными гарантиями, применимыми к заключению людей под стражу. Хотя не имелось каких-либо доказательств, что кто-либо из пропавших без вести заявителей всё еще находился в заключении, когда рассматривалось настоящее дело, власти Турции по-прежнему должны доказать, что они провели эффективное расследование по представленным доказательствам о том, что двоих пропавших без вести людей заключили под стражу и больше не видели (см., среди прочих источников, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Курт против Турции», § 124). Вышеуказанные выводы Европейского Суда по статье 2 Конвенции не оставляли сомнения в том, что органы государственной власти Турции не провели требуемого расследования. Это свидетельствовало о длящемся нарушении статьи 5 Конвенции.

209. В связи с тем, что в отношении остальных семи пропавших без вести заявителей не имелось достаточных доказательств, в их отношении не было установлено нарушения статьи 5 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 4, 6, 8, 10, 12, 13 И 14 КОНВЕНЦИИ

210. Изначально заявители сослались на статьи 4 (запрещение рабства и принудительного труда), 6 (право на справедливое судебное разбирательство), 8 (право на уважение частной и семейной жизни), 10 (свобода выражения мнения), 12 (право на вступление в брак), 13 (право на эффективные средства правовой защиты) и 14 (запрещение дискриминации) Конвенции. В последних своих замечаниях они подтвердили все свои жалобы, за исключением жалобы на нарушение статьи 4 Конвенции.

211. Учитывая обстоятельства дела, замечания сторон и выводы Европейского Суда по статьям 2, 3 и 5 Конвенции, Европейский Суд счел, что он рассмотрел основные правовые вопросы, затронутые в настоящей жалобе, а также что не было необходимости в вынесении отдельного решения по каждой из оставшихся жалоб заявителей.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЕЙ 46 И 41 КОНВЕНЦИИ

212. Статья 46 Конвенции гласит:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

213. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. ВРЕД

1. Постановление Палаты Европейского Суда

214. Палата не усмотрела оснований для присуждения компенсации материального ущерба. Она отказалась удовлетворить очень высокие требования заявителей о возмещении морального вреда, подчеркнув, что статья 41 Конвенции не позволяла налагать наказующие санкции на власти государства-ответчика. Палата придала значение контексту, в котором около 1 400 греков-киприотов и 500 турок-киприотов пропали без вести, и тому обстоятельству, что Комитет министров Совета Европы отслеживал исполнение постановления по четвертому межгосударственному делу, в отношении которого решающим фактором

будет являться окончательное выяснение судьбы как можно большего числа без вести пропавших мужчин, женщин и детей. Палата сделала вывод, что при данных уникальных обстоятельствах было бы неправильно, неконструктивно, даже несправедливо присуждать какие-то отдельные суммы и давать рекомендации по жалобам индивидуальных заявителей. Вывод о нарушениях, таким образом, представлял собой достаточную справедливую компенсацию.

2. Замечания по делу, представленные в Европейский Суд

a. Требования заявителей

215. Заявители утверждали, что продолжавшееся нежелание Турции выполнять свои обязательства нарушало статью 46 Конвенции, это касалось сотен семей греков-киприотов и угрожало эффективности конвенционной системы, они призывали Европейский Суд предписать властям Турции выполнить свои юридические обязательства, предусмотренные статьями 2, 3, 5, 8, 10, 13 и 14 Конвенции, в отношении заявителей, проведя быстрое и эффективное расследование с целью установления судьбы и местонахождения пропавших без вести лиц, опубликовав результаты, немедленно и безусловно освободив и репатриировав любого из заявителей, находящегося под стражей в Турции, а также вернув останки других лиц. В случае отсутствия таких шагов в качестве санкции власти Турции должны выплачивать ежедневно каждому заявителю 24 кипрских фунта стерлинга, которые должны удваиваться каждые 12 месяцев.

216. В возмещение морального вреда заявители требовали 407 550 евро в отношении нарушений, совершенных по отношению к каждому пропавшему без вести лицу: эти суммы должны быть выплачены заявителям, действующим от их имени или от имени их наследников, а также 543 400 евро каждому заявителю или их наследникам (а именно 6 175 евро за каждый год, в течение которого длилось каждое нарушение в период с 1987 по 2009 год). Такая компенсация, на их взгляд, была существенной, поскольку нарушения были многочисленными и тяжкими, продолжались более 34 лет, были массовыми и систематическими и усугублялись явным пренебрежением к решениям конвенционных органов. Они со всем уважением отметили, что Палата, не присудив такую компенсацию, совершила ошибку и действовала дискриминационно, отступив от сложившейся практики Европейского Суда.

b. Ответ властей Турции

217. Что касается морального вреда, то власти Турции считали, что неправильно было бы присуждать какие-либо суммы на том основании, что предположения носили в основном презумптивный характер, и в материалах СМР не было подтверждения того, что мужчины были заключены под стражу и все, за исключением одного, пропали без вести в конфликтной ситуации, которая неизбежно влекла определенный риск для жизни. Они также утверждали, что в деятельности СМР имелся существенный прогресс, а также что в связи с тем, что вопрос исчезновений касался обеих общин, присуждение компенсации семьям греков-киприотов углубит раны турецко-киприотских семей, у которых пропали без вести родственники, и не поможет процессу примирения. Кроме того, размер требований чрезмерен и беспрецедентно высок.

c. Комментарии властей Кипра

218. Власти Кипра утверждали, что Европейский Суд должен определить меры, которые следует принять для прекращения длящихся нарушений, и эта цель не может быть достигнута путем простых репараций. Репарации должны быть сделаны в форме компенсации. Не присудив такую компенсацию, Палата отошла от своей постоянной практики по делам об исчезновении. Четвертое межгосударственное дело не имело в этом случае значения, так как неизвестно было, могла ли и будет ли присуждена компенсация. При присуждении сумм должны учитываться ранее присужденные суммы и срок, в течение которого длятся нарушения.

219. Власти Кипра просили Европейский Суд потребовать от властей Турции проведения эффективного расследования с целью выяснения судьбы пропавших без вести лиц, уточнив, что для того требовалось, и принятия мер для предотвращения исчезновений и угроз праву на жизнь в нарушение статей 2 и 5 Конвенции.

d. Замечания по делу, представленные организацией «Возмещение»

220. Международная неправительственная организация «Возмещение» утверждала, что согласно общепризнанным принципам международного публичного права вывод о нарушении влечет обязательство выплаты репараций. По делам об исчезновениях целью была *restitutio in integrum*, и, когда это было возможно, были рассмотрены варианты компенсации и другие адекватные и надлежащие формы репарации. Компенсация должна быть пропорциональна тяжести нарушения и обстоятельствам дела. Они также утверждали, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда эффективное средство правовой защиты предполагало эффективное расследование по делу, в то время как Международная Конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений предусматривала, что должны приниматься меры для выяснения истины относительно обсто-

ятельств исчезновения. По делам об исчезновении Межамериканский Суд по правам человека выносил предписания об эксгумации и возврате тела, проведении расследования по обстоятельствам дела и их опубликования. а также присуждал возмещение морального вреда. Право на знание истины также было признано Комитетом ООН по правам человека. В ряде международных договоров и судебных решений содержалась ссылка на необходимость предпринять особые шаги с целью прекращения продолжающихся нарушений и обеспечения гарантий против их повторения.

221. Было отмечено, что Европейский Суд присуждал компенсацию в большинстве, если не во всех делах об исчезновениях и признал на основании статьи 13 Конвенции, что в случае нарушения статей 2 и 3 Конвенции компенсация в принципе должна предоставляться. Продолжительность нарушений была существенна для оценки размера причиненного вреда. Перспектива принятия мер общего характера не устраняет обязанность выплаты компенсации по индивидуальным делам. Также Европейский Суд в индивидуальных делах мог уточнить дополнительные формы компенсации с целью прекращения имевшихся нарушений и предупреждения их повторения.

3. Мнение Европейского Суда

a. Статья 46 Конвенции

222. Что касается мнений заявителей относительно проведения эффективного расследования, Европейский Суд вновь обращается к базовому принципу: государство-ответчик остается свободным в выборе средств, с помощью которых оно намерено выполнять свое правовое обязательство по статье 46 Конвенции, при условии, что такие меры соответствуют выводам, изложенным в постановлении Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоццари и Джунта против Италии» (Scozzari and Giunta v. Italy), жалобы №№ 39221/98 и 41963/98, § 249, *ECHR* 2000-VIII, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Андреева против Латвии» (Andrejeva v. Latvia), жалоба № 55707/00, § 110, *ECHR* 2009-…). Следовательно, Европейский Суд считает, что по данным жалобам Комитету министров Совета Европы надлежит на основании статьи 46 Конвенции рассмотреть вопрос о том, что может потребоваться в практическом плане для исполнения постановления (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (статья 50) (Akdivar and Others v. Turkey) (Article 50) от 1 апреля 1998 г., pp. 723–724, § 47, *Reports* 1998-II).

223. В отношении предложения заявителей взыскивать с властей Турции штрафы за каждый день до тех пор, пока они окончательно не исполнят постановления Европейского Суда, Европейский Суд отмечает, что он последовательно отклоняет требования о применении карательных санкций (см. упомянутое выше дело «Акдивар и другие против Турции», § 38, и упомянутое выше дело «Орхан против Турции», § 448). Европейский Суд считает, что Конвенция предоставляет мало возможностей, если вообще их предоставляет для того, чтобы предписывать государствам-ответчикам выплачивать заявителям пени, не связанные с вредом, действительно понесенным вследствие ранее совершенных нарушений Конвенции, поскольку такие выплаты имеют целью предоставление компенсации за будущие страдания заявителей, эта мера является крайне спекулятивной.

b. Статья 41 Конвенции

224. Европейский Суд хотел бы заметить, что не имеется специальной нормы, посвященной моральному вреду или иным формам нематериального вреда. Развиваясь от дела к делу, подход Европейского Суда к присуждению справедливой компенсации различает ситуации, в которых заявителю были причинены явная травма, физическая или психологическая, боль и страдания, мучения, беспокойство, фрустрация, чувство несправедливости или унижения, длящееся чувство неопределенности, вторжения в личную жизнь или реальная потеря возможностей (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эльшольц против Германии» (Elsholz v. Germany), жалоба № 25735/94, § 70, *ECHR* 2000-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» (Selmouni v. France), жалоба № 25803/94, § 123, *ECHR* 1999-V, и Постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (справедливая компенсация) (Smith and Grady v. United Kingdom) (just satisfaction), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, § 12, *ECHR* 2000-IX), и ситуации, в которых публичное возмещение вреда, причиненного заявителю, согласно постановлению, обязательному для Договаривающегося Государства, является мощной формой компенсации самой по себе. Во многих случаях, когда установлено, что какой-либо закон, процедура или практика противоречат стандартам Конвенции, этого достаточно для исправления ситуации (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кристин Гудвин против Соединенного Королевства» (Christine Goodwin v. United Kingdom), жалоба № 28957/95, § 120, *ECHR* 2002-VI, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (Saadi v. Italy), жалоба № 37201/06, § 188, *ECHR* 2008-… и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S. и Марпер против

Соединенного Королевства» (S. and Marper v. United Kingdom), жалобы №№ 30562/04 и 30566/04, § 134, *ECHR* 2008). Однако в некоторых ситуациях влияние нарушения может рассматриваться как имеющее характер и степень, настолько существенно посягающие на моральное благополучие заявителя, что требуется нечто большее. Такие элементы не поддаются расчетам или точному количественному определению. Также в функции Европейского Суда не входит подмена собой внутригосударственных судов при распределении степени вины между сторонами процесса и определении размера компенсации за нанесенный ущерб. Руководящим принципом Европейского Суда является принцип справедливости, который характеризуется прежде всего гибкостью и объективным рассмотрением того, что является справедливым и разумным при любых обстоятельствах дела, включая не только положение заявителя, но и общий контекст, в котором произошло нарушение. Присуждение компенсации нематериальных форм вреда служит признанию факта, что был причинен моральный вред в результате нарушения фундаментального права человека, и отражает тяжесть вреда, оно не имеет и не должно иметь целью предоставление финансовой поддержки или обогащение из сочувствия за счет соответствующего Договаривающегося Государства.

225. Поэтому не соответствует действительности мнение, что якобы имеется специальная шкала компенсаций в порядке возмещения вреда, присуждаемых по делам об исчезновениях, как пытались сделать вывод заявители исходя из ранее рассмотренных дел об исчезновениях в Российской Федерации и Турции. Также Европейский Суд не мог согласиться с тем, что Палата ошиблась, когда не приняла во внимание предысторию дела и постановления, исполнение которых находится на контроле Комитета министров. Как, очевидно, следует из собственных замечаний заявителей, их главной целью является прекращение состояния неопределенности путем предоставления им информации о том, что так давно произошло с их родственниками. Заявители прожили десятилетия без информации, что глубоко отразилось на них. Учитывая печальный характер дела и исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил 12 000 евро в порядке возмещения морального вреда каждому из девяти заявителей, и эта сумма подлежит уплате наследникам заявителей в случае смерти последних.

B. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

1. Замечания сторон

226. Представители заявителей Андреаса и Джоргуллы Варнава (жалоба № 16064/90), Деметриса Теохаридеса и наследников Элли Теохариду (жалоба № 16068/90), Элефтериоса и наследников Христоса Тома (жалоба № 16070/90), Савваса и Георгия Апостолидесов (жалоба № 16072/90) и Леонтиса Деметриу и Йянуллы Леонти Сарма (жалоба № 16073/90) требовали по каждой жалобе 5 778,41 кипрских фунтов стерлингов, включая налог на добавленную стоимость (НДС), в возмещение судебных расходов и издержек, понесенных до передачи дела в Большую Палату, плюс по каждой жалобе 6299,58 евро, включая НДС, в возмещение судебных расходов и издержек, понесенных в Большой Палате. Итого по каждой жалобе сумма требования составляла 16 172,58 евро.

227. Представители Андреаса Лоизидеса и наследников Лоизоса Лоизидеса (жалоба № 16065/90), Филиппа Константину и Деметриса К. Пейиотиса (жалоба № 16066/90), Паникоса и Хрисулы Хараламбусов (жалоба № 16069/90), Савваса и Андрулы Хаджипантели (жалоба № 16071/90) предоставили счета адвокатов на сумму 5186,16 кипрских фунтов стерлингов, включая НДС, по каждой жалобе в возмещение судебных расходов и издержек, понесенных до передачи дела в Большую Палату, плюс по каждой жалобе 6 299,58 евро, включая НДС, в возмещение судебных расходов и издержек, понесенных в Большой Палате. Итого по каждой жалобе сумма требования составляла 14 960,66 евро.

228. Власти Турции сообщили, что эти требования являются чрезмерными и преувеличенными. Все жалобы были одинаковыми, и комментарии пестрили цитатами и воспроизведением ранее представленных материалов.

2. Решение Европейского Суда по вопросу компенсации

229. Европейский Суд напомнил, что судебные расходы и издержки присуждаются на основании статьи 41 Конвенции, когда установлено, что они были действительно и вынужденно понесены в разумном размере. Кроме того, судебные расходы возмещаются только в той части, в которой они относятся к установленному нарушению (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (справедливая компенсация) (Beyeler v. Italy) (just satisfaction) от 28 мая 2002 г., жалоба № 33202/96, § 27, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахин против Германии» (Sahin v. Germany), жалоба № 30943/96, § 105, *ECHR* 2003-VIII).

230. Отметив, что замечания заявителей были почти идентичными и что некоторые жалобы на нарушения были отклонены, но принимая во внимание срок, в течение которого жалобы рассматривались конвенционными органами, и большое количество раундов обмена письменными заме-

чаниями по делу, Европейский Суд присудил по каждой жалобе 8 000 евро в возмещение судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с заявителей в отношении этой суммы.

C. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

231. Европейский Суд считает уместным, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться, исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* 16 голосами против одного предварительные возражения властей Турции об отсутствии правового интереса;

2) *отклонил* 16 голосами против одного предварительное возражение властей Турции об отсутствии юрисдикции *ratione temporis*;

3) *отклонил* 15 голосами против двух предварительное возражение властей Турции о нарушении правила о шестимесячном сроке;

4) *постановил* 16 голосами против одного, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие того, что власти Турции не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы девяти мужчин, которые пропали без вести при угрожающих жизни обстоятельствах;

5) *постановил* 16 голосами против одного, что имело место длящееся нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей;

6) *постановил* 16 голосами против одного, что имело место длящееся нарушение статьи 5 Конвенции вследствие того, что власти Турции не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы Элефтериоса Томы и Савваса Хаджипантели;

7) *постановил* единогласно, что не было длящегося нарушения статьи 5 Конвенции вследствие того, что власти Турции не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы остальных семи без вести пропавших лиц;

8) *постановил* единогласно, что отсутствовала необходимость рассматривать жалобы на нарушение статей 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции;

9) *постановил* 16 голосами против одного, что:

(a) власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в силу выплатить следующие суммы:

(i) 12 000 (двенадцать тысяч) евро по каждой жалобе плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы, в возмещение морального вреда;

(ii) 8 000 (восемь тысяч) евро по каждой жалобе плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы в отношении заявителей или их наследников, в возмещение судебных расходов и издержек;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, существующей на период невыплаты, плюс три процента;

10) *отклонил* единогласно остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 18 сентября 2009 г.

Эрик ФРИБЕРГ	Жан-Поль КОСТА
Секретарь-Канцлер	Председатель
Европейского Суда	Европейского Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) совпадающее мнение судьи Д. Шпильманна, к которому присоединились судьи И. Зиемеле и З. Калайджиева;

(b) совместное совпадающее мнение судей Д. Шпильманна и Э. Пауэр;

(c) совпадающее мнение судьи И. Зиемеле;

(d) совпадающее мнение судьи М. Виллигера;

(e) особое мнение судьи Г. Эрёнен

Ж.-П.К.
Э.Ф.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Д. ШПИЛЬМАННА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ СУДЬИ И. ЗИЕМЕЛЕ И З. КАЛАЙДЖИЕВА

1. Европейский Суд решил, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие того, что власти Турции не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы девяти человек, пропавших без вести при угрожавших жизни обстоятельствах. К сожалению, в резолютивной части Постановления Европейский Суд отказался прямо указать, что власти Турции должны провести эффективное расследование.

2. На мой взгляд, достойно сожаления решение Европейского Суда о том, что Комитету министров надлежит определять, что может практически потребоваться для исполнения постановления.

3. В соответствии с принципом *restitutio in integrum*, красноречиво описанным в замечаниях по делу, представленных организацией «Возмещение» (§ 220 настоящего Постановления), подчеркивая обязательство государства, в отношении которого установлено нарушение Конвенции, восстановить

ситуацию, существовавшую до того, как было совершено противоправное деяние, Европейский Суд должен был указать в мотивировочной и резолютивной частях Постановления, что должно быть проведено эффективное расследование по данному вопросу. Ответственность за судьбу пропавших без вести людей включает проведение расследования с целью выяснения событий и установления виновных, а также предоставление возможности потребовать возмещения для потерпевших и их родственников.

4. В параграфе 191 настоящего Постановления Европейский Суд подчеркнул, что практика Европейского Суда, касающаяся пределов соответствующего процессуального обязательства, недвусмысленна, и существенной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения законодательства государства-ответчика, защищающего право на жизнь, и в случаях, касающихся представителей государства и государственных органов, обеспечить информирование о смерти лиц, произошедшей во время нахождения этих лиц под ответственностью государства. Этот общий принцип, сформулированный в практике Европейского Суда, должен был быть отражен в § 222 и в резолютивной части настоящего Постановления.

5. На основании пункта 2 статьи 46 Конвенции надзор за исполнением постановлений Европейского Суда осуществляется Комитетом министров Совета Европы. Однако это не означает, что Европейский Суд не должен принимать никакого участия в этом процессе и не должен принимать меры, направленные на упрощение задач Комитета министров при выполнении данных функций.

6. Действительно, Европейский Суд ранее признавал, что нарушение статьи 2 Конвенции не может быть исправлено исключительно путем компенсации вреда родственникам потерпевшего (см. Постановление Европейского Суда по делу «Кайа против Турции» (Kaya v. Turkey) от 19 февраля 1998 г., § 105, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I). Как красноречиво описала в своих замечаниях организация «Возмещение», учитывая фундаментальное значение права на защиту жизни, помимо компенсационных выплат, у государств существует обязательство провести тщательное и эффективное расследование, которое может привести к установлению и наказанию виновных и в рамках которого жалующееся лицо имеет эффективный доступ к процессу расследования (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакыджи против Турции» (Çakıcı v. Turkey), жалоба № 23657/94, §§ 112–113, *ECHR* 1999-IV). Наличие эффективного средства правовой защиты означает и наличие обязанности провести эффективное официальное расследование по обстоятельствам происшествия, которое должно быть *inter alia* «тщательным, беспристрастным и внимательным» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Великова против Болгарии» (Velikova v. Bulgaria), жалоба № 41488/98, § 80, *ECHR* 2000-VI).

7. С этой целью важно, чтобы в своих постановлениях Европейский Суд не только предоставлял максимально точное описание характера нарушения Конвенции, но и давал соответствующему государству указания в мотивировочной части раздела, посвященного применению статьи 46 Конвенции, а также в резолютивной части постановления, если того требуют обстоятельства дела, относительно мер, которые Европейский Суд считает надлежащими для того, чтобы гарантировать исправление нарушения.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ Д. ШПИЛЬМАННА И Э. ПАУЭР

1. Мы разделяем мнение большинства судей о том, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие того, что государственные органы Турции не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы девяти человек, пропавших без вести при угрожавших их жизни обстоятельствах. Однако мы хотели бы выразить наше несогласие с мотивировкой, касавшейся вопроса о соблюдении правила шестимесячного срока. В этом отношении мы согласны с анализом, проведенным судьей И. Зиемеле, и, в частности, со ссылкой на общепризнанные принципы международного права, изложенные в статье 14.2 Проекта статей об ответственности государства, подготовленного Комиссией ООН по международному праву.

2. По общему признанию, вполне понятно, что Европейский Суд хочет придерживаться определенной правовой ясности, когда речь идет о сроках подачи жалоб. Даже несмотря на то, что мы принципиально согласны с тем, что «когда речь идет об исчезновениях, заявители не могут бесконечно ждать, прежде чем пойти в Страсбург» и что «они должны проявить определенную степень усердности и инициативности и подать свои жалобы без ненадлежащего промедления» (§ 161 настоящего Постановления), мы должны всё же не забывать, что мы имеем дело с длящимся нарушением международного обязательства, а также что государство-ответчик никогда не отчитывалось о судьбе без вести пропавших лиц, не проводило расследование в отношении данных событий и с целью установления виновных, не предоставляло потерпевшим и их родственникам возможность требовать компенсации. Как правильно подчеркнул Европейский Суд в § 148 настоящего Постановления:

> «…процессуальное обязательство потенциально действует до тех пор, пока не будут даны объяснения относительно судьбы человека; продолжающееся непроведение необходимого расследования будет рассматриваться как продолжающееся нарушение (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Кипр против Турции”, § 136)…».

3. Обосновывая мотивировку по вопросу соблюдения правила о шестимесячном сроке, большинство судей Большой Палаты опирались, главным образом, на тот факт, что Комитет ООН по розыску без вести пропавших лиц (СМР) не был эффективным механизмом. Мы не имеем возможности принять последствия данной неэффективности в отношении применения правила шестимесячного срока. В этом отношении мы согласны с замечаниями судьи И. Зиемеле относительно ограниченного мандата СМР и мы разделяем ее мнение о том, что тот факт, что СМР не являлся эффективным органом, был лишь одним из ряда критериев (и далеко не самым важным) при решении вопроса о применении или неприменении к разбирательству в Европейском Суде правила шестимесячного срока.

4. Мы хотели бы добавить следующее. В связи с тем, что Большая Палата не связана прецедентами – Решениями Европейского Суда по делу «Байбора и другие против Кипра» и по делу «Карабардак и другие против Кипра» от 22 октября 2002 г., жалобы №№ 77116/01 и 76575/01, мы не видим, почему большинство судей почувствовало себя обязанными отличить настоящее дело от дел, рассмотрение которых в 2002 году завершилось решением о том, что заявители по этим двум делам «недопустимо промедлили при подаче своих жалоб в Европейский Суд». Мы полагаем, что отсутствовала необходимость в разработке отдельной мотивировки, в которой были бы подчеркнуты отличительные признаки дел «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра», касавшихся жалоб, поданных семьями турок-киприотов, пропавших без вести во время межобщинных столкновений в 1960 году. В параграфе 171 Постановления большинство судей допускают, что «решения Палаты по вышеупомянутым делам очень лаконичны, и в отсутствие доводов сторон в них нет поясняющей мотивировки». При данных обстоятельствах мы не можем подписаться под выводом о том, что заявители по делам «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра» «недопустимо промедлили при подаче своих жалоб в Европейский Суд».

5. В отсутствие детальных доводов сторон мы сожалеем, что жалобы по делам «Байбора и другие против Кипра» и «Карабардак и другие против Кипра» были отклонены на основании статьи 35 Конвенции как поданные с нарушением срока и что Европейский Суд по этим двум делам постановил, что «даже если предположить, что у заявителей не было эффективных средств правовой защиты, как утверждалось, они предположительно знали об этом задолго до 30 октября 2001 г., то есть даты подачи ими своих жалоб». Мы не можем согласиться с оправданием этих двух решений, содержащемся в § 171, когда в качестве критической даты берется «конец 1990-х годов». В том отношении мы находим убедительной (несмотря на то, что мы приходим к иному выводу) мотивировку судьи Г. Эрёнен, по словам которой «*с правовой точки зрения* нет разницы между задержкой, допущенной заявителями по делу "Карабардак и другие против Кипра" и задержкой заявителей по настоящему делу при обращении их в Европейский Суд и в Европейскую Комиссию, соответственно».

6. Длящееся нарушение вроде того, что имеет место, когда какое-либо государство не проводит расследование или не предоставляет информацию о насильственном исчезновении, не прекращается по прошествии определенного времени. По нашему мнению, судья Зиемеле была права, заметив, что неприменение правила шестимесячного срока к нарушениям международных обязательств, имеющим длящийся характер, как, например, в случае с насильственными исчезновениями, служит важной цели недопущения безнаказанности преступников за совершенные преступления.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ И. ЗИЕМЕЛЕ

1. Я согласна со всеми выводами Европейского Суда по настоящему делу. Однако имеется несколько вопросов, оставленных Европейским Судом открытыми в мотивировочной части своего постановления, или по которым я бы предложила другую аргументацию. Первый вопрос касается статуса пропавших без вести лиц в разбирательстве в Европейском Суде (§§ 111–113 настоящего Постановления). Второй – презумпции смерти (§§ 142–146 настоящего Постановления). Наконец, третий вопрос касается применения правила шестимесячного срока к длящимся нарушениям, особенно в случае насильственных исчезновений. Прежде всего, следует отметить, что все эти вопросы взаимосвязаны. Теперь я остановлюсь на каждом из них подробней.

Статус без вести пропавших лиц

2. Ссылаясь на существующую судебную практику, Европейский Суд подчеркнул, что обычно указываются имена только родственников исчезнувшего лица в качестве заявителей по делам, рассматриваемым Европейским Судом (§ 111 настоящего Постановления). В настоящем деле жалобы поданы от имени пропавших без вести лиц и их родственников, и *имеет место прямой отказ родственникам в признании того, что презумпция смерти может применяться* к пропавшим без вести лицам. Кроме того, заявители не жалуются на нарушение материальной нормы статьи 2 Конвенции (см., *a contrario*, прецедентную практику по делам об исчезновениях в Чеченской Республике (Россия)).

3. В своем Постановлении Европейский Суд установил, что обязательство отчитаться о судьбе пропавших без вести людей и привлечь к правосудию виновного или виновных имеет длящийся характер (см., например, § 148 настоящего Постановления). На наш взгляд, из этого следует, что, пока судьба пропавших без вести лиц неизвестна, допущение Европейским Судом того, что они мертвы (в этом случае соответствующие правовые последствия включали бы отсутствие статуса заявителя в Европейском Суде), противоречило бы самому характеру длящегося обязательства.

4. Более того, насильственные исчезновения представляют собой особое явление, которое может быть рассмотрено в полном объеме лишь тогда, когда признано, что оно нарушает одновременно несколько прав человека (для определения явления см., например, *Декларацию ООН о защите всех лиц от насильственных исчезновений*, § 89 настоящего Постановления). Эти права, может, отдельно и не описаны в Конвенции, но они могут быть выведены из других понятий, содержащихся в ней. Среди прав, нарушаемых в случае насильственного исчезновения, право быть признанным перед законом в качестве лица. Не соглашаясь со статусом без вести пропавших лиц в качестве заявителей, сам Европейский Суд может показаться отказывающимся от признания этих индивидов в качестве субъектов права и ограничивающим тем самым их право на доступ к правосудию. Для меня очевидно, что Европейскому Суду не следовало оставлять открытым вопрос о статусе без вести пропавших лиц, а необходимо было прямо признать их как заявителей по жалобе.

Презумпция смерти

5. Также важно отметить, что международное признание актов насильственного исчезновения в качестве длящихся преступлений до тех пор, пока преступники продолжают скрывать информацию о судьбе и местонахождении пропавших без вести лиц, имеет целью удержание государств от такой практики. В рамках этой более широкой цели на уровне ООН было признано, что презумпция смерти не может применяться при возражении семьи (§ 90 настоящего Постановления). История показывает, что пропавшие без вести люди находились спустя десятилетия после окончания международных конфликтов, а также что семьи продолжали надеяться и разыскивать своих близких.

6. Следовало отметить, что в настоящем деле, в отличие от положения, существовавшего во многих делах, связанных с конфликтом в Чеченской Республике (Россия), которые Европейский Суд использует в качестве основного источника принципов, применяемых к настоящему делу, родственники не просили ни органы власти, ни Европейский Суд признать тем или иным образом, что пропавшие без вести лица мертвы (для сравнения см. Постановление Европейского Суда по делу «Асхарова против Российской Федерации» (Askharova v. Russia) от 4 декабря 2008 г., жалоба № 13566/02, § 59, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Магомадова против Российской Федерации» (Magomadova v. Russia) от 18 июня 2009 г., жалоба № 2393/05). Опять же в отличие от дел против Российской Федерации в настоящем деле именно власти Турции сослались на презумпцию смерти, чтобы подтвердить, что рассматриваемые события лежат за пределами темпоральной юрисдикции Европейского Суда. Дела против Российской Федерации явно отличаются от настоящего дела тем, что в них даже дата предполагаемой смерти подпадает под темпоральную юрисдикцию Европейского Суда, и встает вопрос о нарушении материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции. Обычно в таких случаях имеется значительно больше – и более свежих – доказательств совершенного похищения.

7. Поэтому я не разделяю мотивировку Европейского Суда по настоящему делу, согласно которой истечение более чем 34-летнего периода без каких-либо новостей о без вести пропавших лицах может составлять серьезное доказательство того, что они умерли в этот период (§ 146 настоящего Постановления). Очевидно, что судебная практика по делам против Российской Федерации не является источником для такого изложения принципов. В нашем случае заявители отказались признавать презумпцию смерти, а власти государства-ответчика ссылались на этот аргумент. В то же время заявители не подали жалобу на нарушение материально-правовой составляющей статьи 2 Конвенции в контексте которой, на мой взгляд, данное несогласие логически более уместно. Формулировка параграфа 146 может создать неправильное представление о подходе Европейского Суда к длительным насильственным исчезновениям, обычно ассоциируемым со сложными международными конфликтами. Европейский Суд пришел к выводу, что, несмотря на то, что пропавшие без вести лица могут презюмироваться мертвыми, сохраняется длящееся обязательство провести расследование с целью выяснения их судьбы и местонахождения. Мне сложно понять, как можно осознанно отделить обязательство от тех, кому предоставлено право, то есть от без вести пропавших лиц. Поэтому, учитывая, что собой представляют насильственные исчезновения на день подачи жалобы в Европейский Суд, пропавшие без вести лица не могли презюмироваться мертвыми, так как не было принято соответствующих решений на внутригосударственном уровне и не поступало соответствующих запросов от родственников. Пропавшие без вести лица являются заявителями, и по Конвенции им принадлежат права, которые обязано обеспечивать государство-ответчик.

Правило шестимесячного срока

8. Наконец, я должна рассмотреть вопрос, касающийся правила шестимесячного срока. Вполне понятно, что Европейский Суд хочет придерживаться определенной правовой ясности, когда речь идет о сроках подачи жалоб. Пресекательные сроки выполняют свою легитимную цель в судебном процессе. Однако в нашем случае вопрос состоит в том, применяется ли аналогичный подход, когда речь идет о длящемся нарушении международного обязательства. В целях рассмотрения данного вопроса важно напомнить себе о самом характере длящегося нарушения международного обязательства. Пункт 2 статьи 14 Проекта статей об ответственности государства за международно-противоправные деяния, разработанный Комиссией международного права ООН, описывает данное явление следующим образом:

> «Нарушение международного обязательства актом государства, имеющим длящийся характер, продолжается в течение всего периода, пока данный акт продолжается и не соответствует международному обязательству».

9. В нашем деле государство-ответчик до сих пор не отчиталось о судьбе пропавших без вести лиц, не провело расследования с целью установления событий и виновных и не предоставило потерпевшим и их родственникам возможность потребовать компенсацию. Тот факт, что Комитет ООН по розыску лиц, пропавших без вести (СМР), не являлся эффективным органом, был лишь одним из ряда критериев (и далеко не самым важным) при решении вопроса о применении или неприменении правила шестимесячного срока к разбирательству в Европейском Суде. Мандат СМР ограничен установлением того, мертвы или живы пропавшие без вести лица. Он не может привлекать к ответственности или устанавливать причину смерти (§ 85 настоящего Постановления). Другими словами, не СМР должен выполнять обязанности Турции в отношении без вести пропавших лиц. Это было известно, когда был создан СМР. И это было подтверждено в четвертом межгосударственном деле (§ 187 настоящего Постановления).

10. Европейский Суд выбрал неправильную дорогу в своей мотивировке, касавшейся правила шестимесячного срока, когда он отметил, что с того момента, как стало ясно, что СМР не поддерживал надежду на прогресс (§ 170 настоящего Постановления), должно было начаться течение шестимесячного срока для целей подачи жалобы в Европейский Суд соответствующими индивидуальными лицами. Как показывает Постановление (см. аргументы сторон по статье 2 Конвенции), ввиду выводов Европейского Суда в отношении длящегося нарушения Турцией процессуального аспекта обязательств, предусмотренных статьей 2 Конвенции (§§ 191–194 настоящего Постановления), мы всё еще являемся свидетелями продолжающегося нарушения конвенционного обязательства. Поэтому Европейский Суд должен был следовать собственной прецедентной практике о неприменении правила шестимесячного срока к длящимся нарушениям (§ 159 настоящего Постановления). Неприменение правила шестимесячного срока к нарушениям международных обязательств, имеющих длящийся характер, как, например, в случае с насильственными исчезновениями, служит важной цели недопущения безнаказанности преступников за совершенные преступления.

11. Однако презумпция неприменения имеет опровержимый характер. Европейский Суд в любом случае рассмотрит каждую ситуацию, как и отметил Европейский Суд в параграфе 165. Как заметил Международный суд по делу «Фосфатные земли в Науру» (*Phosphate Lands in Nauru Case*, *ICJ Reports*, § 32, 1992), «таким образом, Суду надлежит определять в свете обстоятельств каждого конкретного дела, делает ли истечение определенного времени жалобу неприемлемой». Поэтому критерии применения правила шестимесячного срока к длящимся ситуациям отличаются от изложенных в мотивировке в §§ 166–171 настоящего Постановления. Вместо этого следует задать вопрос о том, имелись ли какие-либо событие или акт, которые могли бы рассматриваться как запускающие течение срока подачи жалобы, так как до тех пор, пока не будут предприняты значительные шаги для решения проблемы исчезновений, проблема сохраняется так же, как и право на обжалование этой проблемы. Другими словами, вопрос заключается не в том, существует ли событие, приостанавливающее течение срока (см., *a contrario*, § 171 настоящего Постановления), а в том, существует ли событие, которое запускает течение шестимесячного срока. Если бы СМР задумывался как надлежащее средство правовой защиты по делам об исчезновениях, это средство, конечно же, могло бы надлежащим образом быть рассмотрено в свете правила шестимесячного срока. Но это явно не тот случай.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ М. ВИЛЛИГЕРА

Я проголосовал вместе с большинством судей по вопросу признания нарушенными статей 2, 3 и 5 Конвенции.

Тем не менее я не согласен с решением большинства судей об отклонении предварительного возражения властей Турции, касавшегося применения правила шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции (см. § 172 настоящего Постановления).

Несомненно, исчезновения являлись длящимся нарушением. Однако родственники без вести пропавших лиц, которые утверждают, что они страдают от длящегося нарушения, не могут бесконечно

ждать, прежде чем предпринять какое-либо действие. На определенной стадии длящееся нарушение подходит к концу, и тогда должно быть применено правило шестимесячного срока. Встает вопрос, когда наступает такой момент.

В настоящем деле этот момент наступил, когда родственники без вести пропавших лиц имели в своем распоряжении средства правовой защиты и использовали их или не воспользовались ими, осознав, что эти средства правовой защиты неэффективны. Учреждением, обеспечивавшим такое средство правовой защиты, если можно говорить о нем подобным образом, являлся Комитет ООН по розыску лиц, пропавших без вести (СМР). Он породил много надежд, когда был создан в 1981 году. Но по прошествии определенного времени каждый мог увидеть, что он не был эффективным, и от родственников больше нельзя было ожидать обращения в него.

Таким образом, к 1984 году затягивание стало очевидным, тем более что лишь в том году, то есть спустя три года после создания СМР, были подготовлены процессуальные правила его деятельности. В течение ближайших нескольких лет после этого родственники должны были осознать, по необходимости запросив правовую консультацию, что СМР вовсе не являлся органом, который мог принести результаты и обращение в который от них ожидалось.

По моему мнению, пресекательная дата длящегося нарушения приходится на 1987 год. Поэтому данное мнение совпадает с возражением властей Турции о том, что правило шестимесячного срока начало течь в тот год, когда Турция признала право на подачу индивидуальной жалобы в бывшую Европейскую Комиссию по правам человека.

В связи с тем, что родственники не подали свои жалобы в тот период, они, на мой взгляд, не соблюли правило шестимесячного срока, предусмотренное пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Г. ЭРЁНЕН

1. После вынесения Постановления по делу «Шилих против Словении» большинство судей в настоящем деле решили сделать последовательной судебную практику по вопросам, относящимся к юрисдикции *ratione temporis* и правилу шестимесячного срока в отношении дел об исчезновениях, предоставив Европейскому Суду юрисдикцию по решению этого вопроса для того, чтобы устранить непоследовательность, присутствующую в ряде решений по вопросам сроков.

Я не могла согласиться с решением большинства о том, что у Европейского Суда была юрисдикция рассматривать настоящее дело по причинам, изложенным ниже, а также потому, что я не видела причин изменять своему мнению по данному вопросу, прилагаемому к Постановлению Палаты. В целом я нашла, что вместо того, чтобы прояснить ситуацию и судебную практику по данному вопросу, как, по моему разумению, намеревалось сделать, решение большинства судей лишь привело к тому, что судебная практика по данному вопросу стала более неубедительной и путаной, вследствие чего в настоящее время появилась судебная практика, относительно пагубно влияющая на эффективность и последовательность, ожидаемые от Европейского Суда по правам человека.

Подобное можно сказать об оценке большинства судей по вопросу юрисдикции *ratione temporis* в делах об исчезновениях, а также о применении правила шестимесячного срока: обе концепции, по-моему, были размыты и обойдены в результате принятия данного решения. Я посвящу свое особое мнение этим двум аспектам решения и связанным с ними вопросам. В связи с тем, что я не согласна, что у Европейского Суда имелась юрисдикция рассматривать настоящее дело, я не считаю этичным или правильным озвучивать какое-либо мнение по каким-либо из вопросов существа дела, вытекающим из предполагаемых нарушений Конвенции.

2. Я проголосовала против решения большинства об отклонении двух предварительных возражений властей Турции: что у Европейского Суда не было юрисдикции *ratione temporis* рассматривать данное дело и что жалобы была подана по истечении срока, установленного правилом шестимесячного срока. На мой взгляд, Европейский Суд не имел компетенции рассматривать по существу настоящее дело. Я подробнее остановлюсь на данном мнении ниже. Я также проголосовала против решения большинства судей о том, что сохраняется правовой интерес в продолжении рассмотрения настоящих жалоб по той самой причине, что большинство судей (§§ 185, 186, 201, 202 и 208 настоящего Постановления) сделали вывод о том, что поименованные первыми заявители по каждой жалобе были среди тех, кто пропал без вести в 1974 году. Я не вижу необходимости углубляться в рассмотрение вопроса об отсутствии правового интереса, учитывая, что, по-моему, у Европейского Суда не было юрисдикции рассматривать данное дело ввиду других двух предварительных возражений.

3. Основываясь на своем мнении, что у Европейского Суда не было темпоральной юрисдикции, я проголосовала против вывода о том, что имело место длящееся нарушение статьи 2 Конвенции вследствие того, что турецкие власти не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы девяти лиц, пропавших без вести при угрожавших их жизни обстоятельствах. Как результат, мне опять же кажется неправильным и неэтичным давать какие-либо комментарии по существу данных жалоб или по позиции большинства судей, изложенной в Постановлении.

4. Следовательно, поэтому по той же самой причине я не пришла к выводу, что не соответствует моему мнению по вопросу об отсутствии компетенции *ratione temporis* и правилу шестимесячного срока озвучивание каких-либо мнений или выводов по вопросу длящегося нарушения статьи 3 Конвенции в отношении заявителей и длящегося нарушения статьи 5 Конвенции вследствие того, что турецкие власти не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы Элефтериоса Томы и Савваса Хаджипантели.

5. Я проголосовала так же, как и мои коллеги, по вопросу об отсутствии предполагаемого длящегося нарушения статьи 5 Конвенции в том, что турецкие власти не провели эффективное расследование с целью выяснения судьбы семи пропавших без вести мужчин, с тем, чтобы быть последовательной. Я не считаю, что моему мнению касательно предварительных возражений как-либо противоречит подобная позиция.

6. Точно так же я проголосовала вместе с моими коллегами (несмотря на мое мнение о том, что у Европейского Суда не было темпоральной юрисдикции рассматривать по существу данную жалобу) в отношении решения о том, что отсутствовала необходимость рассматривать жалобы на предполагаемые нарушения статей 4, 6, 8, 10, 12, 13 и 14 Конвенции, лишь потому, что Европейский Суд не видел причин рассматривать данные жалобы, а не потому, что я согласна с позицией большинства в отношении нарушений статей 2, 3 и 5 (§ 211 настоящего Постановления).

7. По тем же причинам, ввиду моего мнения о том, что у Европейского Суда не имелось темпоральной юрисдикции, и потому, что я не считала, что существовало длящееся обязательство, я проголосовала против всех решений, касающихся вопроса о том, должна ли быть присуждена компенсация морального вреда.

8. Я проголосовала вместе с моими коллегами по остальной части требований заявителей о справедливой компенсации по тем же мотивам и на основании того же мнения, что изложены выше, в пункте 5.

На этой стадии я хотела бы повторить замечания, которые я сделала во время рассмотрения дела в Палате. Любая точка зрения, которую я могу выразить в данном особом мнении, приводится с целью расширить и подтвердить замечания, которые я сделала на стадии рассмотрения дела в Палате. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» не изменило моего мнения. Я также приведу свое скромное мнение по вопросу о том, почему я не могла согласиться с мнением большинства судей по этому конкретному делу.

Большинство судей признают, что в соответствии с базовыми принципами, применяемыми к настоящему делу, у Европейского Суда отсутствует компетенция рассматривать события, произошедшие в 1974 году, считая их лежащими за пределами темпоральной юрисдикции Европейского Суда.

Однако большинство судей отмечают, (a) что нарушение обязанности обеспечить проведение эффективного расследования само по себе является независимым нарушением, которое может быть установлено отдельно от нарушения материально-правовой составляющей статьи 2 Конвенции, (b) что, даже если могла быть установлена презумпция смерти, это не устранило бы обязательство процессуального характера провести расследование, и (c) что исчезновение представляет собой «одномоментный акт», который влечет за собой длящуюся обязанность провести расследование, а также что Европейский Суд поэтому имеет юрисдикцию *ratione temporis* рассматривать данное дело.

При принятии решения по вопросу применения принципа *ratione temporis* я обнаружила некоторую путаницу в оценке, приведенной по вопросу юрисдикции *ratione temporis*, в двух недавних делах: «Блешич против Хорватии» и «Шилих против Словении».

Как отмечено большинством судей, закрепленные в деле «Блешич против Хорватии» принципы гласят *inter alia*:

> «77. …темпоральная юрисдикция Европейского Суда должна определяться в отношении *фактов, составляющих предполагаемое нарушение*. Последующий отказ от средств правовой защиты, направленный на устранение этого вмешательства, не распространяет на это вмешательство темпоральную юрисдикцию Европейского Суда» (курсив автора).

Однако Европейский Суд, разъясняя далее данный принцип в Постановлении по делу «Блешич против Хорватии», подчеркнул следующее:

> «81. В заключение, хотя и верно, что с момента ратификации все действия и бездействие государства должны соответствовать Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу "Ягчы и Саргын против Турции" (Yağcı and Sargın v. Turkey) от 8 июня 1995 г., Series A, № 319-A, § 40), Конвенция не налагает на Договаривающиеся Государства отдельную обязанность предоставить возмещение в отношении правонарушений или вреда, причиненного до этой даты (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Копецкий против Словакии" (Kopecký v. Slovakia), жалоба № 44912/98, § 38, *ECHR* 2004-IX). Любой другой подход может подорвать как принцип отсутствия обратной силы международных договоров, так и фундаментальное различие между нарушением и возмещением, лежащее в основе права об ответственности государств.
>
> 82. Для того, чтобы установить темпоральную юрисдикцию Европейского Суда, важно поэтому определить *в каждом конкретном случае точное время предполагаемого вмешательства*. Делая это, Европейский Суд должен принять во внимание как факты, обжалуемые заявителем, так и объем конвенционного права, которое якобы было нарушено» (курсив автора).

В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» подход к вопросу о том, существует ли обязательство процессуального характера по статье 2 Конвенции, включал рассмотрение вопроса об отделимости процессуального обязательства. Для того, чтобы существовало процессуальное обязательство по статье 2 Конвенции, в Постановлении по делу «Шилих против Словении» отмечается (§§ 162–163) следующее:

> «…когда смерть произошла до ключевой даты, только на процессуальные действия и/или бездействие, произошедшие после этой даты, может быть распространена темпоральная юрисдикция Европейского Суда;
>
> …должна существовать реальная связь между смертью и вступлением Конвенции в силу в отношении государства-ответчика, чтобы начали действовать обязательства процессуального характера, предусмотренные статьей 2 Конвенции.
>
> Таким образом, значительная часть процессуальных действий, требуемых данной нормой (включающих не только эффективное расследование по факту смерти соответствующего лица, но и возбуждение надлежащих процедур с целью выяснения причины смерти и привлечения виновных к ответственности (см. Постановление Европейского Суда по делу ["Во против Франции" (Vo v. France),] § 89), будет проведена или должна была быть проведена после ключевой даты.
>
> Однако Европейский Суд не исключает, что при определенных обстоятельствах связь могла быть основана также на необходимости обеспечить, чтобы гарантии и основополагающие ценности Конвенции защищались реально и эффективно».

Хотя Турция действительно ратифицировала Конвенцию в мае 1954 года, она признала право на подачу индивидуальной жалобы лишь в отношении событий, произошедших после 22 января 1987 г., а юрисдикцию Европейского Суда только в 1990 году. Чтобы применить Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», в решении большинства судей, однако, не было установлено, какова «реальная связь между смертью и вступлением Конвенции в силу» в отношении Турции.

По моему мнению, хотя Турция могла быть связанной Конвенцией начиная с 1954 года, Европейский Суд не имел компетенции рассматривать какие-либо факты, произошедшие до 1987 года, даже если процессуальное обязательство по статье 2 Конвенции «отделимо», так как согласно Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (упомянутому выше) такая юрисдикция по рассмотрению дел не возникала из *процессуальных действий и/или бездействия, произошедших после «ключевой даты» – 1987 года,* которая была уже признана большинством судей в качестве базовой. Статья 6 Протокола № 11 к Конвенции подтверждает данное мнение. Другими словами, Европейский Суд имеет юрисдикцию рассматривать длящееся процессуальное обязательство, возникшее только после 1987 года, так как длящееся обязательство действует *после*, а не *до* ключевой даты. Статья 6 Протокола № 11 к Конвенции не изменила содержание оговорки Турции относительно непризнания обязательной юрисдикции Европейского Суда в отношении действий или бездействия, имевших место до 1987 года.

Протокол № 11 к Конвенции вступил в силу 1 ноября 1998 г. Статья 6 данного Протокола гласит:

> «В тех случаях, когда какая-либо Высокая Договаривающаяся Сторона сделала заявление о признании компетенции Комиссии или юрисдикции Суда согласно положениям прежней статьи 25 или прежней статьи 46 Конвенции в отношении вопросов, возникающих впоследствии или на основании фактов, имевших место после такого заявления, данное ограничение остается в силе применительно к юрисдикции Суда по настоящему Протоколу».

Статья 6 Протокола № 11 к Конвенции в действующей редакции четко устанавливает, что современный Европейский Суд компетентен рассматривать только вопросы, возникающие впоследствии или на основании фактов, имевших место после» какого-либо заявления о признании компетенции Европейского Суда. Таким образом, в соответствии с моим мнением по вопросу юрисдикции *ratione temporis* статья 6 Протокола № 11 к Конвенции четко запрещает Европейскому Суду рассматривать дела, относящиеся к фактам, имевшим место до «ключевой даты» – 1987 года.

В этом отношении я полагаю вносящим путаницу постановление, основанное на мнении большинства судей, которые, несмотря на то, что статья 6 Протокола № 11 к Конвенции связывает Турцию в отношении нарушений, совершенных после 1987 года, предпочли взять в качестве точки отсчета другую дату – 1954 год, начиная с которого Европейский Суд имеет темпоральную юрисдикцию рассматривать предполагаемые нарушения, в то время как в действительности Турция не согласилась быть связанной этими обязательствами или нести ответственность за такие нарушения до ключевой даты – 1987 года. На самом деле большинство судей согласились, что, хотя у Европейского Суда и не было юрисдикции рассматривать поданные жалобы в связи с тем, что предполагаемые нарушения основаны на фактах, имевших место до «ключевой даты» (§§ 133–134 настоящего Постановления), то есть до 1987 года, Европейский Суд всё же отталкивается от своего вывода о том, что Турция связана положениями Конвенции, начиная с даты ратификации Конвенции, то есть с 18 мая 1954 г. Как результат, на мой взгляд, Европейский Суд ошибочно распространил свою юрисдикцию на события 1974 года, а также на произошедшие в этот период случаи исчезновений и гибели людей.

Такой вывод сложно согласовать в том, что касается условия *ratione temporis*, с Постановлением по делу «Ксенидес-Арестис против Турции» (справедливая компенсация) (Xenides-Arestis v. Turkey) (just satisfaction) от 7 декабря 2006 г., жалоба № 46347/99, в котором Европейский Суд, решая вопрос о справедливой компенсации, в качестве действительной даты признал дату признания Турцией обязательной юрисдикции Европейского Суда в 1990 году, отметив следующее:

> «Поэтому Европейский Суд продолжит рассматривать вопрос о компенсации, полагающейся заявительнице в отношении ущерба, вытекающего из факта отказа в допуске к ее имуществу и лишения контроля над его использованием в период с 22 января 1990 г., когда Турция признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда, до настоящего времени (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Лоизиду против Турции» (статья 50), p. 1817, § 31)».

На мой взгляд, постановление большинства добавляет еще больше путаницы к уже и без того сложным вопросам применения принципа *ratione temporis*, которые ниже будут еще глубже рассмотрены мною.

Презумпция смерти

Мое мнение по данному вопросу остается таким же, как и в Постановлении Палаты (по делу «Варнава и другие против Турции» (Varnava and Others v. Turkey) от 10 января 2008 г., жалобы №№ 16064/90, 16065/90, 16066/90, 16068/90, 16069/90, 16070/90, 16071/90, 16072/90 и 16073/90, а именно:

> «…Я не вижу уважительных причин, почему презумпция смерти (в свете самых последних изменений практики Европейского Суда), если только не по причинам деликатности вопроса, не могла быть рассмотрена и признана. Принцип *Блешича*, примененный в настоящем деле, в определенной степени ослабляет выводы о презюмировании живым и о длящемся нарушении, выраженные в постановлении по делу “Кипр против Турции” в отношении без вести пропавших лиц, тем самым исключив наличие обязательства длящегося характера. Я считаю, что исчезновения и презумпция смерти заявителей существовали как факт до того, как Турция признала право на подачу индивидуального заявления в Европейскую Комиссию. Это говорит о том, что факты, составляющие предполагаемое вмешательство, в том виде, в котором они были доказаны, произошли до ратификации, и поэтому Европейский Суд был некомпетентен *ratione temporis* рассматривать вопрос об эффективном расследовании или любые другие вопросы, относящиеся к существу дела.
>
> Вкратце, мне кажется, что отсутствует нарушение, “имеющее длящийся характер”. Выводы, содержащиеся в Постановлении по делу “Кипр против Турции”, в отношении “длящегося нарушения статьи 2 Конвенции вследствие того, что органы государства-ответчика не провели эффективное расследование”, должны толковаться в соответствии с недавней судебной практикой, которая требует, чтобы такое “длящееся обязательство” и все последующие требования, вытекающие из этого обязательства, если, конечно, обязательство существует, *действуют только в случае*, когда дело подпадает под компетенцию Европейского Суда *ratione temporis*, а настоящее дело, по-моему, не подпадает.
>
> Учитывая, что факты, составляющие предполагаемое вмешательство (исчезновение и последующую предполагаемую смерть), произошли до 28 января 1987 г., я не считаю, что Европейский Суд может рассматривать жалобы, касающиеся неэффективности расследования по факту исчезновения греков-киприотов, ввиду отсутствия юрисдикции *ratione temporis*».

Непонятно, предполагает ли решение большинства по настоящему делу смерть без вести пропавших лиц или нет, хотя кажется, что смутные предположения на этот счет были сделаны. Кроме того, хотя презумпция смерти «не является автоматической», большинство судей отметили, что существует возможность того, что без вести пропавшие лица мертвы, и оно делает это, в том числе, при помощи примеров из судебной практики, в которых такая презумпция смерти была действительно установлена (§ 143 настоящего Постановления),

> «даже если бы имелись доказательства, оправдывающие вывод о том, что девять пропавших без вести лиц умерли при событиях 1974 года или сразу после них» (§ 144).

Поэтому в параграфе 146 настоящего Постановления большинство судей делают вывод:

> «…что даже несмотря на то, что истечение более чем 34-летнего периода без каких-либо новостей о без вести пропавших лицах может составлять серьезное доказательство того, что они умерли в этот период, это не аннулирует процессуальное обязательство провести расследование».

Судя по всему, имеется противоречие в случае, когда, сделав вывод, основанный на «серьезных доказательствах», что пропавшие без вести лица могут в действительности быть мертвы, Европейский Суд в параграфе 148 отмечает:

> «Исчезновение – это отдельное явление, характеризуемое длительной ситуацией неопределенности и безотчетности, при которой отсутствует информация или даже умышленно запутывается и скрывается, что же на самом деле произошло».

Опять же, хотя была сделана попытка провести различие между подходом, примененным в деле Шилиха, касавшимся требования близости смерти и следственных шагов до даты вступления в силу Конвенции, который «*применяется только в контексте убийств или подозрительных смертей, когда якорный фактический элемент, лишение жизни потерпевшего, определенно известен, в отличие от точной причины и конечной ответственности*», и длящимся характером процессуального обязательства, как установлено в случаях с исчезновени-

ем (§§ 148–149 настоящего Постановления), большинство судей всё же косвенно согласились с тем, что было более чем вероятно, что пропавшие без вести лица были *мертвы*. Я считаю, что большинство судей, представляя свои мнения, должны были сделать и растолковать более конкретный и явный вывод относительно судьбы «пропавших без вести лиц», а не просто косвенно предположить вероятный вариант развития событий.

Учитывая принципы, изложенные в деле Шилиха, даже если отдельное процессуальное обязательство, «действующее независимо от материальной нормы», имеет длящийся характер, оно связано с фактами, произошедшими до ключевой даты, и такое обязательство не может быть «отделено» от событий, произошедших до этой даты. Наоборот, даже если оно отделимо, обязательство является частью событий, произошедших до критической даты, и поэтому на него не распространяется темпоральная юрисдикция Европейского Суда.

Поэтому мне представляется, что замечания, содержащиеся в параграфах 147 и 149, в действительности аннулируют ссылку большинства судей на дела Шилиха и Блешича, которую они делают при формулировании своих выводов.

Согласно моей позиции, что должна быть сделана презумпция смерти, я также согласна поэтому с большинством судей в том, что имеются «серьезные доказательства, что они умерли», и что это само по себе не мешает возникнуть процессуальному обязательству. Однако я имею иное мнение по вопросу о том, что существование этой обязанности зависит от того, имеет ли Европейский Суд темпоральную юрисдикцию в отношении процессуальной обязанности, прежде всего, что вовсе не так, если исходить из принципов, изложенных в недавнем Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении».

Я также всецело согласна с аргументацией судей Н. Братцы и Р. Тюрмена в отношении Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», которая идет дальше «отделимых» обязательств, предусмотренных процессуальным аспектом статьи 2 Конвенции:

> «Отделение процессуального обязательства от смерти, которая и привела к его возникновению, подобным образом может быть приравнено к приданию обратной силы Конвенции и признанию ничтожным заявления государства о признании компетенции Европейского Суда принимать индивидуальные жалобы».

Даже если отметить (см. § 134 настоящего Постановления), что «заявители уточнили, что их требования относились только к ситуации, продолжающейся после января 1987 года, а именно к длящемуся замалчиванию информации о судьбе и местонахождении пропавших без вести лиц и отсутствию эффективного расследования», в настоящем деле обязательство провести следственные мероприятия не возникало вследствие «существенных новых доказательств или информации», представленных в Европейский Суд, так как позиция большинства судей по данному вопросу, как я вижу ее, по-прежнему основана на выводах четвертого межгосударственного дела.

Опять же, повторюсь, я полагаю, что в соответствии с мотивировкой, приведенной в деле Шилиха, если обязанность существовала, она существовала также *до* января 1987 года. Учитывая это и в связи с тем, что обязанность провести расследование существовала *задолго до* даты признания юрисдикции Европейской Комиссии и Европейского Суда (по крайней мере, 13 лет), значит в соответствии со статьей 6 Протокола № 11 к Конвенции обязательство провести расследование, признанное существующим, не может быть отделено от событий, произошедших до 1987 года. Даже если такое обязательство признано «отделимым», оно по-прежнему находится за пределами временной юрисдикции Европейского Суда.

Если обязанность провести расследование существовала, она существовала с 1974 года и продолжалась до и после ключевой даты. Поэтому условия, закрепленные в деле Шилиха, не выполнены. Также верно, что такие факты не являются отдельными или «отделимыми» от событий, произошедших до 1987 года. Поэтому в обоих отношениях у Европейского Суда не было юрисдикции рассматривать настоящее дело.

Именно этого требует *принцип правовой определенности*. Трудности и противоречия, существующие за пределами судебной мотивировки (§§ 132–150 настоящего Постановления), которые были встречены в настоящих жалобах, ведут к тому, что я считаю попыткой распространить юрисдикцию Европейского Суда на обязательство процессуального характера провести расследование.

Я могу лишь спросить себя, необходимо ли предположить, что дела об исчезновениях вроде настоящего, в которых презумпция смерти является естественным последствием обстоятельств, рассмотренных Европейским Судом, не подпадают или исключаются из-под действия фундаментального принципа Конвенции, закрепленного в критерии *ratione temporis?* Другой вопрос состоит в том, означает ли вывод большинства судей, содержащийся в параграфах 147–149, что критерий *ratione temporis* больше не применяется к делам об исчезновениях?

Критерий *ratione temporis*, будучи процессуальной нормой статьи 2 Конвенции, закреплен в ней. Этот принцип может быть отвергнут, и выводы большинства судей в очередной раз создают непоследовательность в судебной практике Европейского Суда. Это постановление ставит серьезные вопросы правовой определенности и создает дальнейшую неопределенность, если

рассматривать как неограниченную временем темпоральную юрисдикцию Европейского Суда в отношении соблюдения процессуального обязательства, предусмотренного статьей 2 Конвенции, в отношении смертей, имевших место до ключевой даты. Как таковые эти противоречия не будут легко исправлены, если, пытаясь решить различия между теми или иными решениями Европейского Суда по данному вопросу применительно к юрисдикции Европейского Суда *ratione temporis* в отношении процессуальных жалоб на нарушение статьи 2 Конвенции, не оставаться верным принципам и признакам «отделимости», изложенным в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (§§ 153–163 и особенно §§ 161–165).

Это означает, что подход большинства, принятый в настоящем деле, на мой взгляд, «*может быть приравнен к приданию обратной силы Конвенции и признанию ничтожным заявления государства о признании компетенции Европейского Суда принимать индивидуальные жалобы*» (см. особое мнение судей Н. Братцы и Р. Тюрмена по делу «Шилих против Словении»).

Учитывая всё вышесказанное и статью 6 Протокола № 11 к Конвенции, я считаю, что предполагаемое вмешательство, о котором идет речь в настоящем деле, процессуальное или материальное, не подпадает под темпоральную юрисдикцию Европейского Суда, который поэтому некомпетентен рассматривать настоящие жалобы.

Правило шестимесячного срока

Что касается вопроса о том, существовало ли «процессуальное обязательство провести расследование с целью выяснения судьбы и местонахождения пропавших без вести лиц во время подачи настоящих жалоб», большинство судей согласились с Постановлением Палаты о том, что заявителями не было «допущено неразумного промедления при подаче своих жалоб».

На мой взгляд, в данном случае правило шестимесячного срока действительно становится размытым из-за придания данному правилу иного толкования, чем то, что уже давно сформировалось. В то время как я согласна с толкованием большинством судей концепции «разумной поспешности», это всецело вопрос, важный для настоящего дела, и который не относится к жалобе, рассмотренной в Решении Европейского Суда по делу «Байбора и другие против Кипра» (Baybora and Others v. Cyprus) от 22 октября 2002 г., жалоба № 77116/01. Соглашаясь, что заявителям было трудно осознать неэффективность СМР, Европейский Суд, судя по всему, не принял во внимание возможно более серьезные трудности и «особые обстоятельства», с которыми столкнулись в ближайшие годы заявители турки-киприоты вследствие «неопределенности и путаницы, которые часто встречаются после исчезновения» (§§ 162–166 Постановления). Судя по всему, не были приняты в расчет в отношении турок-киприотов *«дела об исчезновениях, в которых существует состояние неизвестности и неопределенности и, по определению, несообщение, если неумышленное сокрытие информации о том, что произошло, или создание препятствий со стороны некоторых органов, [и в которых] ситуация менее ясная»*.

В то время как указана дата (конец 1990 годов), когда заявители обязаны были осознать, что СМР был неэффективен, большинство судей, со всем должным почтением к моим коллегам, не подошли с тем же пониманием к жалобам турок-заявителей, которые в действительности ждали официального подтверждения путем вынесения Европейским Судом постановления, а именно постановления от 10 мая 2001 г. по четвертому межгосударственному делу. Здесь мне представляется необходимым напомнить мое мнение по данному вопросу, приведенное в Постановлении Палаты:

> «(a) Власти Кипра признали право на подачу индивидуального заявления в Европейскую Комиссию 1 января 1989 г. Заявители турки-киприоты не могли обратиться с требованием о предоставлении компенсации раньше. Точно так же заявители – греки-киприоты не могли обратиться с жалобами до момента ратификации Турцией соответствующих прав в 1987 году (в Европейскую Комиссию) и в 1990 году (в Европейский Суд).
>
> (b) Заявители в настоящем деле, так же как и заявители по делу “Карабардак и другие против Кипра”, не могли знать о решениях, принятых по межгосударственным делам. Первое, второе и третье межгосударственные дела в действительности не касались вопросов длящегося нарушения. Только в 2001 году по четвертому межгосударственному делу было впервые озвучено понятие длящегося нарушения по делам об исчезновении. В любом случае ни один заявитель не мог обратиться в конвенционные органы до 1989 или 1990 годов, соответственно. Заявители по настоящим жалобам подали свои жалобы в 1990 году. Заявители по делу “Карабардак и другие против Кипра” подали свою жалобу в 2001 году, возможно, после того, как получили правовую консультацию по данному вопросу. Правовые позиции в обоих делах одинаковы.
>
> (c) Как подчеркнуто в Постановлении Европейского Суда по делу “Акдивар и другие против Турции” (Akdivar and Others v. Turkey) от 16 сентября 1996 г., *Reports* 1996-IV, p. 1210, превалирующие “особые обстоятельства” должны приниматься во внимание при рассмотрении вопроса о том, действительно ли доступны средства правовой защиты. Рассматривая обстановку на Кипре в 1963–1964 годах и в 1974 году, нельзя с определенностью сказать, что явно имелось подобное средство правовой защиты, позволяющее раскрыть случаи исчезновения (см. также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Кипр против Турции”, § 99).

(d) CMP начал работу лишь в 1981 году. CMP занимался сбором информации как для греческих, так и для турецких семей пропавших без вести лиц, так что, вероятно, имела место надежда на окончание расследований CMP, и другие средства правовой защиты не использовались. Вполне понятно, что такие семьи пропавших без вести лиц не знали о статусе мандата CMP в то время, и, вероятно, им стало известно о его функциях и взглядах на свою работу после вынесения Европейским Судом своего постановления по четвертому межгосударственному делу в мае 2001 года. Следовательно, тот факт, что заявители по настоящему делу обратились в Европейскую Комиссию спустя три дня после того, как Турция признала юрисдикцию Европейского Суда, является, при всем моем почтении к моим коллегам, несущественным. *С правовой точки зрения* нет разницы между задержкой, допущенной заявителями по делу "Карабардак и другие против Кипра", и задержкой заявителей по настоящему делу при обращении их в Европейский Суд и в Европейскую Комиссию, соответственно. Если жалобы "Карабардак и другие против Кипра" и "Байбора и другие против Кипра" были отклонены как поданные с нарушением сроков, установленных статьей 35 Конвенции, также должны быть отклонены и настоящие жалобы. Тот факт, что обжалованные ими события произошли во время борьбы между общинами в 1960-х годах, а не в 1974 году, не делает *правовое* положение отличным».

В то время как большинство судей утверждают, что они «внимательно рассмотрели» дела семей турок-киприотов, пропавших без вести во время борьбы между общинами в 1960-х годах, указав в параграфе 171, что:

«Европейский Суд особое внимание посвятил любым признакам того, что отличные или непоследовательные подходы были приняты в этих делах. Тем не менее он не убежден в том, что это так. Решения Палаты по вышеупомянутым делам очень лаконичны, и в отсутствие доводов сторон в них нет объяснительной мотивировки. Однако вывод о том, что жалобы были поданы по истечении установленного срока, соответствует принципам и судебной практике, описанным выше».

У меня не создалось такого впечатления. Я считаю, что имеется четкое противоречие, когда добавляется, что данный вывод «соответствует принципам и судебной практике». Либо нет «объясняющей мотивировки», либо «вывод соответствует принципам и судебной практике». Не может быть и того, и другого одновременно, так как решения[1] по делу «Байбора и другие против Кипра», как сказано выше, «лаконичны». Поэтому на самом деле оценка большинства по данному делу (§ 171 настоящего Постановления), как это не грустно, закрывает дверь перед заявителями турками-киприотами.

Для ясности и соответствия судебной практике дата вынесения постановления по четвертому межгосударственному делу, когда была рассмотрена и проанализирована неэффективность CMP, больше подходит на роль ключевой даты, чем «конец 1990 года».

Правило шестимесячного срока является правовым принципом, *юридическим фактом*, который должен соблюдаться независимо от того, прошло три года или 13 лет. В этом нет разницы. Если имеет место «ненадлежащее промедление» сроком три года, значит, такое же «ненадлежащее промедление» имеет место по истечении 13 лет. Мотивировка, данная большинством судей для обоснования как настоящих жалоб, так и решений по делу «Байбора и другие против Кипра», является, на мой взгляд, не соответствующей Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении», потому что, раз она дается в Решении по делу «Байбора и другие против Кипра», значит, точно так же и настоящие жалобы должны были быть поданы в течение шестимесячного срока. Или же, *vice versa*, по делу «Байбора и другие против Кипра» решение должно было соответствовать настоящему Постановлению.

Как сказано выше, в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шилих против Словении» (упомянутое выше, § 165) *значение* придается (a) *факту того, что события, влекущие процессуальное обязательство, произошли незадолго до ключевой даты ратификации, и* (b) *факту того, что расследования начались после ратификации*. В этом отношении в Постановлении Большой Палаты по делу «Шилих против Словении» Европейский Суд отметил, что смерть сына заявителя произошла «лишь за чуть больше года до вступления Конвенции в силу в отношении Словении», а также что все расследования начались *вскоре после* наступления ключевой даты. Поэтому в связи с тем, что процессуальная обязанность провести расследование возникла *вскоре после* ратификации Словенией Конвенции, Европейский Суд признал, что имел юрисдикцию. Следует отметить, что в отличие от властей Турции по настоящему делу, Словения признала обязательную юрисдикцию Европейской Комиссии по правам человека и Европейского Суда по правам человека начиная с даты передачи ратификационной грамоты на хранение, то есть с 28 июня 1994 г.

По изложенным мною причинам я считаю, что настоящие жалобы не были поданы с соблюдением правила шестимесячного срока. Поэтому, к сожалению, я не могла согласиться с мнением большинства и сделала вывод, что постановление по данному вопросу также создает серьезное противоречие в европейском конвенционном праве и судебной практике, предусматривая следующее:

«Соответственно, обратившись в Европейский Суд в январе 1990 года, эти заявители действовали, учитывая особые обстоятельства их дел, с разумной поспешностью для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции» (§ 170).

[1] Во множественном числе – так в тексте (*примеч. переводчика*).

Не давая никаких комментариев по существу дела и без ущерба моим изложенным выше доводам, я считаю важным посвятить несколько строк позиции большинства в отношении СМР и бремени доказывания.

Комитет ООН по розыску лиц, пропавших без вести (СМР)

На мой взгляд, важная информация относительно функций Комитета ООН по розыску лиц, пропавших без вести (СМР), которая не была предоставлена Большой Палате при рассмотрении четвертого межгосударственного дела, была предоставлена в настоящих жалобах. Но простая ссылка (§ 85 настоящего Постановления), которая абсолютна понятна, когда речь идет о том, что такое СМР и каковы его функции, просто взята из постановления по четвертому межгосударственному делу, вынесенному в 2001 году, и недостаточна для фиксации важных изменений, произошедших с той даты (§§ 86–87 настоящего Постановления). Это несправедливо по отношению к огромному количеству информации, предоставленной властями Турции с момента вынесения того постановления.

Даже если СМР по-прежнему считается неэффективным для целей статьи 2 Конвенции, я считаю невообразимым, что больше ничего нельзя сказать об этом в свете всех материалов, предоставленных с момента вынесения в 2001 году постановления. Само постановление, принятое большинством, не содержит никаких *новых выводов* ни по одному аспекту работы СМР. Я не считаю, что развитие функций СМР и его значение как части механизма проведения «эффективного расследования» даже после получения новой информации и доказательств получили какую-либо существенную переоценку. Это более очевидно следует из факта того, что, хотя Европейский Суд воспользовался большим количеством фактов, информации и судебной практики и т.д., относящихся к юрисдикции *ratione temporis* по делам об исчезновениях, особенно рассмотренным другими органами (§§ 88–102 настоящего Постановления), он не сделал того же в отношении предоставленной информации о СМР.

Мое мнение может быть поддержано недавними важными изменениями, которые продемонстрировали роль и деятельность СМР как крайне важного и необходимого механизма осуществления эффективных расследований в соответствии с требованиями статьи 2 Конвенции. Этот факт подчеркивался в решении, принятом на 1051-м заседании Комитета министров Совета Европы, состоявшемся 19 марта 2009 г. (см. выше § 88 настоящего Постановления).

Комитет министров, осуществляя надзор за исполнением постановления по четвертому межгосударственному делу, отметил, что «последовательность мер, принятых в рамках эффективных расследований» требовала, чтобы любая форма эффективного расследования не причиняла вред миссии СМР, и счел решающим, чтобы текущая работа СМР осуществлялась в наилучших условиях и без задержек. Тем самым он особо подчеркнул важность хранения всей информации, полученной во время реализации Программы эксгумации и опознания. Комитет министров отметил в действительности, что миссия СМР является *частью*, а не *отдельна* от любого другого необходимого расследования и должна предшествовать любому другому «эффективному расследованию». По-моему, в решении Комитета министров подчеркивается, что работа СМР по розыску без вести пропавших лиц должна быть завершена до того, как будет возбуждено какое-либо другое дополнительное расследование.

Бремя доказывания

Я хотела бы кратко остановиться также на вопросе о бремени доказывания по настоящим жалобам.

Большинство судей признали, что «Европейский Суд хотел бы согласиться с тем, что стандарт доказывания, обычно применяемый при рассмотрении индивидуальных жалоб, это доказывание вне разумных оснований для сомнений» (§ 182 настоящего Постановления).

Однако я считаю, что данное мнение лишено основания в части, касающейся вопроса о том, почему это так, что ведет к ситуации, когда любое различие между двумя степенями доказывания не принимается во внимание, и поэтому в решении не прокомментировано, было ли исполнено бремя доказывания в данных конкретных делах.

В межгосударственных делах государства не должны доказывать причинение им вреда или ущерба. Однако в индивидуальных делах такие вопросы должны быть доказаны. Приравнивание индивидуальных жалоб к межгосударственным жалобам является, на мой взгляд, *ошибкой в применении права*, которая в действительности отменила *стандарт доказывания*, требуемый для установления нарушения по индивидуальным жалобам.

Что касается переноса бремени доказывания (§ 184 настоящего Постановления), по индивидуальным жалобам бремя доказывания переходит к властям государства-ответчика, только если заявители сначала исполнили свою обязанность по доказыванию и *подтвердили* факты, на которые они ссылаются для обоснования своих требований о возмещении вреда. Это, на мой взгляд, не относится к ситуации с настоящими жалобами. В действительности выводы по межгосударственному делу были взяты как часть доказательств по этим жалобам и были применены без отдельного рассмотрения и отдельных выводов по обстоятельствам, обжалуемым в настоящих жалобах.

Отметив, что «не было основания, на котором можно было бы предположить, что пропавшие без вести лица из настоящего дела были охвачены выводами Европейского Суда [по межгосударственному делу]» (§ 181 настоящего Постановления), Европейский Суд далее говорит:

> «В свете выводов по четвертому межгосударственному делу, которые не были оспорены, эти исчезновения произошли при угрожавших жизни обстоятельствах, когда проведение военной операции сопровождалось массовыми задержаниями и убийствами. Поэтому статья 2 Конвенции в настоящем деле налагает на власти государства-ответчика длящееся обязательство отчитаться о местонахождении и судьбе пропавших без вести лиц…» (§ 186).

Это расхождение четко показывает, что бремя доказывания, лежащее на заявителях в настоящем деле, не было оценено, а Европейский Суд просто повторил свое решение по данному вопросу, вынесенное по четвертому межгосударственному делу. В этой части Постановления, принятого большинством (§§ 181–186), и особенно в параграфе 185, содержится косвенный вывод о фактах, произошедших в 1974 году, которые, по общему признанию большинства судей, находились за пределами темпоральной юрисдикции Европейского Суда. Со всем уважением, но я полагаю, что это связано с тем, что, хотя делалась попытка установить «отделимое» обязательство в соответствии с процессуальной составляющей статьи 2 Конвенции, Постановление, тем не менее, опирается на факты, лежащие *за пределами* темпоральной юрисдикции Европейского Суда, считая их уже установленными ввиду их существования, хотя это и не так.

Вред и судебные расходы

Наконец, я считаю, что власти государства-ответчика правы в своих предварительных возражениях и что у Европейского Суда не было юрисдикции *ratione temporis* рассматривать данное дело. Поэтому я не вижу смысла высказывать какое-либо мнение по вопросу о том, может ли «влияние нарушения… рассматриваемое как имеющее характер и степень, настолько существенно посягающие на моральное благополучие» вторых заявителей быть списано на действия или бездействие властей государства-ответчика в нарушение Конвенции.

В связи с тем, что я не согласна с выводами о том, что факты, рассматриваемые в жалобах, могут быть предметом оценки Европейского Суда, я не могу согласиться с оценкой большинства судей, данной в соответствии со статьей 41 Конвенции по вопросу справедливой компенсации, в целом или же в любой ее части.

Учитывая всё вышесказанное, я полагаю также, что не должно быть присуждено каких-либо сумм в возмещение судебных расходов, поскольку у Европейского Суда не было юрисдикции, и жалобы поданы с нарушением шестимесячного срока.